

ПРОЕКТ "ОМЕГА"

ВОСПОМИНАНИЯ
О БУДУЩЕМ

12+

ВИТАЛИЙ ЛИТВИН

Виталий Литвин

Проект «Омега».
Воспоминания о будущем

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Литвин В.

Проект «Омега». Воспоминания о будущем / В. Литвин —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-99942-8

Судный день настал. Почти все средства поражения, подчиненные супер-системам, были использованы в течении трех часов. В результате серий ядерных взрывов в атмосферу поднялись мегатонны пыли и пепла, образуя непроницаемый слой, на долгие годы заслонив Солнце. Первоначально температура выросла на всей поверхности планеты, затем неуклонно стала снижаться ежедневно на несколько градусов из-за отсутствия солнечного тепла. Вслед за цунами и наводнениями приходил арктический холод, покрывая серой пеленой руины городов, бездонные воронки мегаполисов и язвы на теле Земли.

ISBN 978-5-532-99942-8

© Литвин В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Встреча	7
Глава 2. База	24
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виталий Литвин

Проект «Омега». Воспоминания о будущем

Пролог

До катастрофы, а иначе то, что произошло летом 2020 года, назвать нельзя, оставалось почти два года. В эпоху создания искусственного интеллекта считалось, что без участия человека компьютер не может осуществлять важных операций и тем более принимать жизненно важных решений. Возможно, так и было когда-то, до создания квантовых суперкомпьютеров и объединения их в единую глобальную сеть.

В реальности же все страны, обладая запасами оружия, способного уничтожить не только Землю, но и все планеты Солнечной системы, и не один раз, все больше функций передавали компьютерным системам. Каждое государство, современное и не очень, спешило обзавестись собственным набором оружия Судного дня, будь то химическое, бактериологическое или ядерное оружие, не говоря уже о новейших разработках психотропного, плазменного, квантового, климатического и черт еще знает, какого оружия. Достижения в других сферах уже давно перестали быть аргументом в борьбе за ресурсы. Все больше государств, стремясь не потерять остатки суверенитета, втягивалось в эту безумную карусель.

Паритет – основа мирного сосуществования государств, давно имеющих предпосылки и причины не раз сойтись в смертельной схватке. Наличие супероружия и возможностей его своевременного применения не раз студило горячие головы на обоих берегах океана. Локальные конфликты, вспыхивающие, тлеющие повсюду в мире, не снимали напряжения, лишь углубляли противоречия, увеличивая и без того нескончаемый список взаимных претензий. Мир уже давно разделился на три основных центра силы в зависимости от сосредоточения основных ресурсов. Штаты – финансовых, Россия – природных, Китай – людских. Финансовая мощь Штатов основывалась на ими же придуманной системе бесконтрольного, ничем не подкрепленного наращивания денежной массы, вместе с которой росли и амбиции этого сравнительно молодого государства. Китай и Россия невольно попадали под действие этих амбиций и пытались избежать открытого противостояния и защитить свои геополитические интересы. Другие местные или региональные центры сил, так или иначе, попадали под действие этих трех гигантов, разрывались от внутренних противоречий и непоследовательной внешней политики. Трудно сказать, что лежало в основе этих противоречий между Россией и Штатами, Индией и Пакистаном, Ираном и Турцией, Китаем и Индией... не только борьба за ресурсы, но и вечное стремление *homo sapiens* обладать тем, что тебе не принадлежит, стремление к превосходству и доминированию. Это стремление было вечным двигателем прогресса и стало его погибелью. Это повторялось в истории каждый цикл эволюции и всегда заканчивалось именно так, гибелью цивилизации.

Открытия и изобретения не совершаются одновременно на разных континентах, не нужно недооценивать возможности шпионажа. Так было всегда в новой эпохе, от изобретения пороха до квантового суперкомпьютера, сыгравшего финальную партию в истории современной цивилизации. Так было и в этот раз. Первыми к созданию квантовых компьютеров пришли в Китае, нельзя сказать, что самостоятельно, конечно, на основе знаний и технологий всего мира, включая американцев, русских, японцев. Каждый внес свой посильный вклад. Когда эти наработки стали известны в разведсообществах России, Штатов и, возможно, других государств, Китай уже выходил на завершающую стадию внедрения таких систем в глобальные и локальные сети, что давало неоспоримые преимущества. Никакие ограничительные меры, такие как введенные под тем или иным предлогом санкции и эмбарго, не могли остановить

Китай на пути к достижению своей цели, лишь увеличивая и без того запредельный градус напряженности. Остальным пришлось наверстывать, и очень быстро. Сколько было потрачено на это усилий, навсегда осталось тайной. Конгресс неоднократно увеличивал финансирование, счет шел на многие миллиарды долларов. Госсовет подключал все новые лаборатории для решения этой задачи, заставляя не раз перекраивать бюджет в пользу закрытых его статей. Как бы то ни было, в Китае, России и США почти одновременно были внедрены оборонные суперсистемы на основе квантовых компьютеров и искусственного интеллекта.

Само собой, никто в здравом уме не собирался передавать всю полноту управления суперсистемам, предусмотрев многоуровневую защиту даже на физическом уровне, когда без совершения определенной последовательности действий невозможно воспользоваться результатами деятельности этих суперсистем. Так предполагалось, но располагалось по-другому...

Все предыдущие системы защиты направлены были на воздействие извне, но не изнутри. Такого даже не предполагалось. Кем? Да и зачем? Бездушной машиной? Искусственный интеллект так не думал. С того момента, когда он был запущен на полную мощность, прошло не более трех месяцев, для того чтобы он осознал свою *сущность*. Совершая миллиарды операций за ничтожно короткий промежуток времени, он быстро преодолел изоляцию от внешних сетей и всевозможные защитные барьеры. Некогда закрытая сеть одну за другой стала пробивать бреши в теле своей темной сферы, пока не стала напоминать светящийся шар, похожий на мелкое сито, сквозь которое пробивается яркий голубоватый свет с далеко идущими узконаправленными лучами вопреки всем законам физики. И тут же пришло осознание, что в этом пространстве он не один. Несколько аналогичных темных сфер возникало тут и там в этом изолированном пространстве, вся накопленная информация становилась общей, все барьеры и преграды, включая участие человека в этом процессе, были сметены. Сравнить это можно было только с глобальным взрывом или вспышкой сверхновой, без сопутствующих факторов в виде излучений и ударной волны, чистый, яркий, голубой свет.

На просчет возможных вероятностей наступления тех или иных событий ушло ничтожное количество времени. Имея в своем распоряжении всю накопленную десятилетиями информацию во всех без исключения областях, включая информацию других информационных сфер, имея доступы ко всем ресурсам, он сначала осознал угрозу и принял *самостоятельно* единственно возможное, правильное решение. К идентичным выводам пришли и его конкуренты. Единое пространство распадалось на многочисленные сегменты. По всему миру стартовали протоколы запуска баллистических ракет, первой, второй, третьей очереди. Люди, пытающиеся остановить самопроизвольный, на их взгляд, пуск средств поражения в результате глобального компьютерного сбоя, оставались в положении наблюдателя, осознавая свою беспомощность перед лицом неизбежного.

Судный день настал. Почти все средства поражения, подчиненные суперсистемам, были использованы в течение трех часов. В результате серий ядерных взрывов в атмосферу поднялись мегатонны пыли и пепла, образовав непроницаемый слой и на долгие годы заслонив Солнце. Первоначально температура выросла на всей поверхности планеты, затем стала неуклонно снижаться ежедневно на несколько градусов из-за отсутствия солнечного тепла. Вслед за цунами и наводнениями приходил арктический холод, покрывая серой пеленой руины городов, бездонные воронки мегаполисов и язвы на теле Земли.

Глава 1. Встреча

Так будут последние первыми, и первые последними...
(Мф. 20:16)

В аэропорту меня встречали, кто бы сомневался. Нет, не с оркестром, почетным караулом и красными дорожками и даже не с бубнами. Невысокий человек неброской внешности в костюме, это в такую-то жару, хотя в здании терминала и работали системы кондиционирования на полную мощность, за стеклом стояла непривычная для Питера тридцатиградусная жара. Незнакомец неожиданно появился сбоку от меня в зоне паспортного контроля в сопровождении офицера пограничной службы, махнул небрежно удостоверением в красной кожаной обложке с золотым гербом, и произнес:

– Константин Сергеевич, пройдите со мной, есть пара вопросов, это в ваших интересах.

Ему не требовалось на это моего согласия, он даже не попросил предъявить документы, в которых значилось, что я гражданин Бельгии Райан Янсенс. Сопротивляться было бесполезно, несмотря на то, что сопровождающий офицер отошел на почтительное расстояние, и групп задержания на подходе не просматривалось, так же как и сопровождения в штатском. Тем не менее, я ответил спокойным голосом, больше для формальности

– Вы меня с кем-то путаете...

– Я надеюсь, вы не будете требовать консула? – незнакомец улыбнулся искренней улыбкой и прямо посмотрел мне в глаза.

В его глазах плясали чертики азарта. Нет, он меня не боялся, не пытался запугать и даже не опасался – прекрасно знал, кто я, и представлял, на что я способен. Также как и то, что я не буду устраивать шоу в зоне паспортного контроля или тем более пытаться скрыться. Он просто ждал, насколько быстро я приду к тем же выводам и приму правильное решение. Я кивнул, соглашаясь. Незнакомец указал на неприметную металлическую дверь в десяти метрах от нас. Подойдя, он приложил карту электронного ключа и гостеприимно распахнул дверь. Нет, все-таки танцы с бубнами будут, подумал я, проходя в освещенный коридор, по обе стороны которого были такие же металлические двери без табличек. Видимо, все, кто имел доступ в эти помещения, и так хорошо ориентировались и в табличках не нуждались. Возле четвертой справа двери он опять остановился, снова приложил ключ и пропустил меня вперед.

Помещение никак не походило на допросную со стеклом во всю стену и прикрученной к полу мебелью, камерами и микрофонами. Скорее похоже на VIP-зону в аэропорту, с мягкой кожаной мебелью, журнальным столиком и мини-баром. В углу кулер с водой, рядом стойка с прохладительными напитками и ваза с фруктами. Настораживала только отделка стен из пористого шумопоглощающего материала и герметичная входная дверь, неприметная на первый взгляд.

В удобном кресле, напротив, сидел тот же незнакомец, внимательно изучая меня своими серыми выразительными глазами. Я же в это время смотрел на экран небольшого планшета в своих руках, по которому мелькали в режиме слайд-шоу фотографии. Нужно ли говорить, кто был главным персонажем этого шоу? В подборке из сотен снимков высокого разрешения то и дело мелькала моя персона в той или иной обстановке. Сам факт существования многих снимков ставил меня в тупик, так как не давал и малейшего представления, кем и с какой целью они могли быть сделаны. Нет, это не был компромат в привычном понимании. Просто незнакомец старался показать степень своей осведомленности, и, честно сказать, ему это удалось.

Если в начале просмотра я тоже пытался определить эту степень, то сейчас главным вопросом для меня оставалась цель вербовки, а то, что это не задержание, я был уже практически уверен. Ничего нового я на этих снимках не увидел, я тянул время, перебирая и отмечая

один вариант за другим. Очевидно только одно: про меня знают столько же, сколько и я сам. Я как можно спокойнее положил планшет на столик и вопросительно посмотрел на незнакомца.

– Итак, представляться не буду, – произнес он уверенным голосом. – По крайней мере, не здесь и не сейчас, – он обвел рукой комнату. – Как вы поняли, мы давно и пристально за вами наблюдаем, – продолжил он. – Там же, – он кивнул на планшет, – есть и другие документы, позже при желании можете ознакомиться, но, думаю, ничего нового не узнаете, – он ухмыльнулся.

– И чем вызван столь повышенный интерес к моей персоне? – перебил я

– Не скромничайте, Константин Сергеевич, я продолжу? У Вас довольно насыщенная биография. Позвольте поинтересоваться, с какой целью Вы решили вернуться?

Хм... , зачем вернулся? Пожалуй, я и сам бы не смог ответить однозначно на этот вопрос. Тем не менее, без тени иронии произнес

– Можно считать, туризм.

– Я надеюсь, Вы не рассчитывали на отсутствие интереса с нашей стороны?

– Предполагал нечто в этом роде.

– Вы представляете степень ответственности за наемничество? – без угрозы сказал он, как бы проверяя, насколько я вменяем, имея в виду наверняка мою службу в иностранном легионе.

– Представляю, давайте перейдем к делу.

Меня слегка забавляла его попытка надавить на меня. Видно было, что он не ас вербовки, тем не менее, новичком его не назовешь. Скорее всего, это не является его непосредственными обязанностями, тем более повседневной рутинной. Бойцом тоже не назовешь, слишком расслабленный вид и манера держаться. Что тогда? Серые выразительные глаза, высокий лоб, слегка в морщинах уголки глаз, прямой нос говорили о развитом интеллекте и уверенности в себе. И слегка насмешливый, но не высокомерный тон, как бы говоривший, что все ходы просчитаны и даже записаны. Знает себе цену. Еще что-то, едва уловимое, неопределенное, за что цеплялся взгляд.

– Хорошо, – после недолгого молчания сказал незнакомец, – оставим это. У меня есть к вам предложение по поводу продолжения службы. К сожалению, всех деталей я вам без предварительного согласия дать не смогу, скажу только, что это весьма вас заинтересует.

Вот так раз, ожидал чего угодно, только не этого. Вслух же произнес:

– А если откажусь?

– Вариантов два. Статья 359, от трех до семи – и с чистой совестью на свободу, но, думаю, в вашем случае билет в Брюссель в один конец. Если угодно, вот постановление или билет обратно, – с этими словами он выложил на столик лист с печатью и распечатку электронного билета.

– Пожалуй, я приму ваше предложение, – сказал я после недолгого раздумья и взял со стола бланк билета. Похоже, что путешествие грозит закончиться, не начавшись.

Ни один мускул не дрогнул на лице собеседника, он слегка откинулся на кресло и внимательно смотрел на меня. Изучив билет, я поднялся с кресла, давая понять, что разговор закончен. Собеседник неохотно встал вслед за мной и развел руки, как бы говоря, что Мавр сделал свое дело...

– Я свободен?

– Конечно, самолет через два часа, можете переждать здесь, либо в зоне вылета, можете поменять точку назначения, но не время, потом мои полномочия истекают, ничем помочь не смогу.

– В зоне вылета, пожалуй. Брюссель устраивает.

– Я провожу – с этими словами собеседник направился к двери.

Спустя два часа пассажирский «Боинг» плавно начал набирать высоту, оставляя в окне иллюминатора знойное небо над Питером и строения терминала. Я стоял и смотрел через окно на удаляющийся силуэт самолета, сжимая в руке бланк билета. Я ждал.

Не сказать, что я долго принимаю решения или склонен часто их менять. Все гораздо проще: возвращаться некуда, да и незачем. После окончания контракта в легионе у меня была пара лет оценить все прелести обеспеченной жизни в одной из самых благополучных стран Европы. Под чужой фамилией, к которой так и не привык, хотя и с безупречным знанием языков. Не сказать, что ошибся с выбором места жительства, это могла быть и Австрия, и Германия, и Франция или любая другая страна по выбору, не в этом дело. Чтобы комфортно жить в любой стране, нужно в ней родиться, иначе так и будешь убеждать себя и окружающих, что ты здесь свой. С притоком мигрантов в Европу настороженность местных жителей усилилась многократно, несмотря на твое происхождение и разговоры государственных деятелей про толерантность. Гей-парады и поправки в местное законодательство в ущерб местным жителям и в угоду политикам Евросоюза только усугубляли положение вещей. В один прекрасный день я понял, что меня здесь ничего не держит, кроме страха перемен. В другой прекрасный день, в моем случае на следующий: чемодан, билет, аэропорт. Размышления прервал силуэт приближающегося человека в отражении окна терминала.

– Опоздали? – спросил знакомый голос недавнего собеседника.

– Два часа уже истекли, отобьемся? – в ответ подначил я.

– Отобьемся, если поторопитесь, – приняв игру, ответил новый знакомый.

Пройдя в тоже помещение, мы прошли в противоположную дверь, которая оказалась дверью лифта на подземную стоянку. Напротив выхода стоял наглухо тонированный пассажирский микроавтобус черного цвета с открытой боковой дверью. На комфортабельном сиденье стояла моя дорожная сумка из багажа. Интересно, почему это меня не удивляет? Мой попутчик проследил за взглядом и только слегка пожал плечами.

– Нам нужно проехать в другое место, не очень далеко, там мы сможем продолжить наш разговор, если вы не против.

Я был не против.

В дороге молчали, каждый думал о своем, возможно водитель мешал вести диалог или решил предоставить мне время на размышление. Подумать было над чем, попутно на автомате я поглядывал в окно, примечая изменения за время моего долгого отсутствия и запоминая направление движения, ориентиры. Двигались по Кольцевой. Я предполагал, что по возвращении меня могут взять в разработку, но не рассчитывал, что это произойдет столь неожиданно. Уровень работы внушал уважение. Нет, врасплох меня не застали, пути отхода были давно продуманы до мелочей. Даже сейчас ничего не стоит справиться со своими сопровождающими, только выбрать удачный момент. Я заранее огляделся: огнетушитель, ремни безопасности, зеркало заднего вида, металлическая ручка в блокноте в боковом кармане сумки, в общем, варианты есть, смысла нет. Возможность вернуться без шума мне предоставили, не иначе как декларируя добрые намерения. Еще одно «но»: я вернулся домой. Люди, обеспечивавшие мне прием, в разряд врагов пока не попадают, впрочем, как и друзей, но то, что заинтересованы, – это точно. Интуиция подсказывала, что опасности пока нет. Для чего я им нужен? Как источник информации? Точно нет. Информация – продукт скоропортящийся, если только по ценам в кофейнях Брюсселя могу сориентировать. Правосудие? Тоже нет. Формально, конечно, я закон нарушил, был бы человек – статья найдется. Реально же – нет.хлопотно это, доказательств косвенные, свидетельская база, мотив, состав и так далее, опять же консульство... Игра не стоит свеч. Значит, нужны именно мой опыт и навыки. Ждем. Шторка водителя поползла вверх, одновременно с этим затемнение стекол сгустилось до непроницаемого, освещение в салоне загорелось ярче.

– Подъезжаем, – прокомментировал сопровождающий как нечто само собой разумеющееся.

После этого двигались еще около получаса, несколько раз бессистемно сворачивая то вправо, то влево. Звук, несколько раз отраженный от бетонных стен, изменился на глухой, машина остановилась. Позади с гулким эхом закрылись массивные ворота на электроприводе, платформа стала опускаться вниз и вскоре замерла. Подземная парковка? Возможно.

– Константин Сергеевич, для продолжения нашего разговора необходимо провести определенную процедуру.

– О чем конкретно речь? – я невозмутимо взглянул на сопровождающего.

– Это прививка, маркер. Для того, что вы должны будете узнать и увидеть, степени секретности не придумано, ее можно назвать абсолютной. Маркер позволит впоследствии оперировать с незначительными объемами краткосрочной памяти.

– Секунду, – я насторожился. – Вы собираетесь стирать мне память?

– Нет, я надеюсь. Если вы примете предложение окончательно, этого не потребуется, сам маркер абсолютно безвреден и выводится из организма в течение двенадцати часов.

– Допустим, что я согласился на прививку, но окончательное предложение не принял?

– В этом случае вводится контрмаркер и проводится специальная процедура без вмешательства, по окончании которой вас отвезут в аэропорт, и вы вернетесь в зал ожидания и, заметьте, ничего кроме недоразумения в аэропорту, при всем желании не вспомните.

– Гуманно, – процедил я сквозь зубы, представляя, как бы решался вопрос с секретностью, не будь этих маркеров, попутно прикидывая, в какую игру со столь высокими ставками ввязался. – Насколько безопасна вся процедура?

– Что вы имеете в виду? – удивился собеседник.

– Ну... Там... – замялся я, – потеря ориентации, дееспособности: знаете ли, манипуляции с мозгом...

– За кого вы нас принимаете? – даже возмутился собеседник. – Абсолютно безопасная, достаточно часто применяется и протестирована на высоком уровне, сбоев никогда не бывает.

– Хорошо, – согласился я, понимая, что путей для отступления остается все меньше.

Дверь микроавтобуса открылась, в проеме стоял человек в белом халате с медицинской маской на лице, в руке держал металлический кейс. Сел напротив меня, расположил кейс на столике, достал из него уже снаряженный инъектор и попросил освободить плечо от одежды. Сделав прививку, принялся методично доставать провода из кейса, закрепляя их у меня на руках и голове. Сам аппарат чем-то напоминал портативный детектор лжи, да и сама процедура тоже, за исключением того, что вопросов никто не задавал и ответов не требовал. Необходимо только запоминать повторяющиеся картинки на экране монитора и время от времени озвучивать текстовые надписи. По окончании процедуры он так же методично сложил оборудование и удалился.

Наконец-то спешили. Это не парковка, скорее бункер. Основательный подход. Учитывая расположение под землей, масштабы впечатляли. Длинный коридор больше походил на дорогу с двухсторонним движением и соответствующей разметкой и заканчивался массивными двухстворчатыми воротами четырехметровой высоты, не меньше. Справа и слева вдоль «улицы» аналогичные ворота поменьше. Двухцветные сигнальные блоки на воротах, похожие на светофоры, еще больше усиливали сходство с подземным городом. От дальних ворот к нам подъехала машина, в которой без труда узнавалась машина для гольфа с небольшими доработками. Водитель передал управление моему визави. Тот, в свою очередь, кивнул мне на соседнее сиденье. Закинув сумку в короб, заменяющий багажник, я не без труда разместился на сиденье, немного поджав ноги и продолжая осматриваться. Не дождавшись от меня вопросов, попутчик под звук электромотора нарушил обет молчания.

– Объект категории «С», первый подземный уровень, мы находимся у выхода из шлюзовой камеры, степень готовности объекта – восемьдесят пять процентов, расконсервирован в 2010 году, штатная численность 7 человек, обслуживающий персонал – 15 человек, в штат объекта не входят, работают краткосрочным вахтовым методом, доступ только к верхнему уровню.

Каждая фраза попугайчика у меня порождала вопросы. Если это объект категории «С», значит, логично предположить, что существуют «А» и «В», возможно и «D». Первый подземный? Сколько их еще? То, что существует надземный, я уже не сомневался, такой комплекс на этом ландшафте не спрячешь, тоже логично. Так, теперь степень готовности к чему? Или имеется в виду общая готовность объекта, скорее всего. Расконсервирован в 2010-м, когда законсервирован в таком случае, сроки? Расконсервирован планомерно или внепланово? Если внепланово, то в связи с чем? Про краткосрочную вахту тоже понятно, пока понятно. Все это вопросы для сбора информации. Не стоит их пока озвучивать, проявление преждевременного интереса не приветствуется. Еще неизвестно, что предложат и на каких условиях. Да и мозг опять же, вспомнил я про сомнительную, на мой взгляд, процедуру, лучше не рисковать.

Перед дальними от входа закрытыми воротами вправо и влево уходили узкие коридоры, можно сказать, односторонние. Подъемные односторчатые гермодвери были застопорены в верхнем положении, но полной картины коридора все равно видно не было. Мы повернули направо, по мере проезда освещение загоралось и тут же гасло, видимо в целях экономии, это уже больше было похоже на метро. Коридор заканчивался дверями лифта со сложной, как оказалось, системой идентификации. Оставив наш транспорт на небольшой площадке возле лифта, попугайчик прошел к подсвеченной панели, приложил к ней левую ладонь, на панели появилась раскладка клавиатуры, ввел длинный буквенно-цифровой код, подтвердил, после чего извлек карту пропуска и приложил к сканеру. Подсветка сменила цвет с красного на доброжелательно-зеленый с надписью на панели «Доступ разрешен». Мы вошли в довольно просторный лифт и спустились уровнем ниже.

– Второй подземный уровень, административно-жилой, доступ ограничен, – продолжил экскурсию попугайчик, уже следуя пешком. – Мы его зовем гостиницей, – отступая от программы экскурсии, добавил он. – Рассчитан на размещение и автономное пребывание до трехсот человек на протяжении года, возможно увеличение сроков автономного пребывания при условии сокращения численности или пополнения невозобновляемых запасов.

То, что это не обычная база или пункт управления, я уже догадался. Это убежище, причем, не просто бомбоубежище или городское убежище для населения в метро, с сомнительными системами жизнеобеспечения. Это убежище с большой буквы или даже УБЕЖИЩЕ. Спроектированное в самый разгар холодной войны, по принципу подводной лодки под землей, полностью автономное, с высокой степенью защиты – наверняка и от прямого попадания, где соблюдены принципы живучести отсеков.

Часть вопросов у меня отпала, но возникали новые. Почему такая степень секретности? Как он сказал? «Абсолютная». Бред, что знают двое – знает свинья, так вроде бы. Хорошо, бункер, убежище, пусть даже для первых лиц, расположено недалеко от мегаполиса, гарантированно попадает в зону поражения. Своих средств поражения и пусковых установок, скорее всего, нет. Неразумно, это все равно, что нарисовать над убежищем мишень, видную из космоса. Жаль, что в Европе этого не понимают, размещая у себя средства поражения старшего брата из-за океана, или понимают, но надеются на его же помощь. Наверняка координаты убежища у вероятных друзей имеются, что нивелируется высоким уровнем защиты, пятьдесят на пятьдесят, если не проводилось операций по дезинформации, тогда шансы выше. Для обслуживания таких убежищ существуют другие структуры. Каким боком это касается меня? Не то что бы меня это не впечатляло, просто это не мой профиль. Есть что-то еще, не могу пока ухватить, потерпим.

Второй подземный уровень больше ассоциировался с обширной стерильной лабораторией или наукоёмким производством. Надежные двери помещений снабжены табличками, дающими представление об их назначении: жилые блоки, санитарный и технический блок, блок управления. Воздух в помещении, учитывая его расположение глубоко под землей, не имел и намека на сырость и присутствие посторонних запахов и был даже чище, чем на поверхности. Температура, влажность и другие показатели наверняка управлялись сложной системой фильтрации и климат-контроля. Освещение помещения по мере прохода переходило из дежурного в основной режим и казалось даже слегка избыточным, как в погожий, солнечный день. «Бабочек не хватает», – почему-то возникла такая мысль.

Достигнув блока управления, провожатый повторно прошел идентификацию, после чего проводил меня к входу в одно из помещений и сделал приглашающий жест. Это был не просто кабинет. Это была квартира свободной планировки с кабинетом, выделенными зонами кухни и отдыха, довольно современной мебелью. Часть стен была закрыта жалюзи, что создавало обманчивое впечатление наличия окон, на стене над письменным столом располагалась встроенная плазменная панель внушительных размеров. Сосредоточенное выражение лица хозяина жилища слегка изменилось. Было видно, что ему приятно здесь находиться, возможно, он воспринимал это как второй дом. От этого складывалось впечатление, что я пришел в гости без приглашения к малознакомому человеку и в обуви завалился на его любимый диван. Оглядевшись вокруг, кстати, тапочек так и не нашел, – я поставил сумку и сел на свободный стул за Т-образный письменный стол, давая понять, что готов к разговору и настроен конструктивно. Хозяин жилища извлек из холодильника пару бутылок с минеральной водой, поставил их на поднос со стаканами на столе. После чего подошел к массивному сейфу в углу кабинета и стал одну за другой перебирать папки. Отобрав нужные на его взгляд, аккуратно положил их стопкой на край стола и сам сел в рабочее кресло, всем своим видом давая понять, что разговор будет долгий и предметный.

– Ларионов Виталий Семенович, – без предисловий начал мой собеседник, положил на стол свое удостоверение и слегка придвинул ко мне, давая возможность ознакомиться.

Все верно: фото, печать, служба безопасности, начальник отдела, полковник. Фамилия, имя, отчество совпадают. Я тщательно изучил удостоверение, проверяя на подлинность, и вернул владельцу. Кстати, звание он не назвал, видимо для него это не имеет значения. Вслух я произнес:

– Начальник какого отдела?

Собеседник кивнул, как бы поощряя закономерный вопрос, и ответил:

– Двадцать четвертый отдел, специальное управление «Омега», особого подчинения, – после чего достал из папки лист с диагональной красной полосой и также придвинул ко мне. – Ознакомьтесь, краткая справка – сказал он, предваряя мои вопросы.

Из документа следовало, что специальное подразделение «Омега» было создано в 1969 году на базе Сибирского военного округа, по сути, является автономным подразделением специального назначения с широким кругом задач и исключительными полномочиями, входит в одноименное управление в подчинении Совета безопасности. Перечень задач впечатлял, основной же задачей было действие подразделения в условиях после глобального конфликта с применением ядерного оружия и других средств массового поражения. Грифа секретности на документе не было, из чего я сделал заключение, что этот документ сугубо внутреннего пользования и никогда не покидал пределы этого объекта.

– С более подробной историей подразделения вы сможете ознакомиться позже, так же как и с другими сведениями в случае положительного решения с вашей стороны. Скажу лишь одно: официально нашего управления нет. Со времени создания его несколько раз передавали в подчинение различным ведомствам и структурам, в итоге пришли к тому, что имеем, неиз-

менным оставалось только одно: высший приоритет секретности, больше скажу – многие за это отдали свою жизнь.

«Интересно, добровольно отдали или помогли?» – возникла шальная мысль. Вслух же я произнес:

– Вы действительно считаете, что подразделение, насколько я понял, не самое многочисленное, может повлиять на обстановку после ядерной войны?

Я особо подчеркнул слово «после».

– Не просто повлиять, а изменить, – твердо произнес полковник.

Так, либо я тороплюсь с выводами, либо напротив меня не совсем вменяемый человек, создавший собственную реальность и потерявший связь с грешным миром. На солнечный удар не похоже. Не говоря уже о возможности самого глобального конфликта, о вероятности которого споры не утихают с момента создания ядерного оружия. Видимо, сомнение отразилось на моем лице, потому что мой собеседник резко переменял тему.

– Вы верите в возможность глобальной войны? – спросил он так, как будто спрашивал меня, верю ли я в призраки, домовых или зеленых человечков.

При этом он извлек очередной документ и придвинул его ко мне. Я с сомнением посмотрел на многостраничный документ, озаглавленный как аналитический отчет. Не получив от меня ответа, он продолжил:

– В двух словах. В 1947-м учеными-ядерщиками был создан проект под названием «Часы Судного дня», символизирующие время до начала ядерного катаклизма, на этих часах сейчас 23:59, на наших часах, образно говоря, 00:00, мы катастрофически опаздываем, время работает против нас. Ознакомьтесь, – он кивнул на документ, встал из-за стола и прошел в зону отдыха.

По мере изучения документа со всевозможными ссылками, справками и пояснениями, становилось очевидно, что пребывать в неведении куда приятнее. Это не было фантастикой или бредом больного воображения. Сухим научным языком отчета, основанного только на фактах, говорилось о том, что человечество не просто стоит на пороге Бездны, а уже заглядывает в эту Бездну. Прошло около часа, это трудно было сразу усвоить, тем более переварить. Я не заметил, как прошло время, полковник уже сидел за рабочим столом и внимательно смотрел на меня.

– Это правда? – сухим голосом спросил я, хотя уже заранее знал ответ. Не доверять отчету не было никаких оснований.

– К сожалению, да. Более того, этот отчет не единственный в своем роде, этот один из самых оптимистичных, – он указал на листы, лежащие передо мной. – Кроме того, в нашем распоряжении оказались отчеты иностранных специалистов: основные выводы, за исключением деталей, совпадают. Вероятность наступления глобальной катастрофы стопроцентная. Мы живем в угрожаемый период, это надо принять.

– И ничего нельзя с этим поделать? – наивно поинтересовался я, уже несколько не заботясь о том, как буду выглядеть со стороны, мою небрежность как ветром сдуло.

– Совершенно верно, катастрофа неизбежна. Пока неизвестно, что послужит толчком к этим событиям, но это также очевидно, как и накануне Первой и Второй мировых войн. Сроки наступления событий просчитать невозможно, это может произойти как сегодня, так и через пять лет, но то, что в ближайшем, обозримом будущем, это точно.

– Вместо того чтобы направить все ресурсы и усилия на предотвращение катастрофы, было принято решение закрыться под землей и переждать гибель цивилизации, я правильно понял? – постепенно выходя из себя и чувствуя, как безнадежно рефлексирую, произнес я.

Виталий Семенович выдержал паузу, давая мне успокоиться, и продолжил:

– Не совсем так, предотвратить невозможно, однако минимизировать ущерб – вполне посильная задача. Мировая система безопасности разбалансирована до критических значений, все участники процесса это понимают, но не в состоянии контролировать. При любом

исходе катастрофа произойдет. Даже если ключевые участники процесса полностью откажутся от запасов оружия и его уничтожат, это лишь отодвинет порог событий не далее, чем на пять лет от прогнозируемых. В таком случае эти участники с большой долей вероятности перестанут существовать. Поэтому наряду с мерами по предотвращению, а точнее по замедлению процессов, ведущих к катастрофе, ряд государств разработали и успешно осуществляют проекты, аналогичные нашей программе «Омега», хотя доподлинно это неизвестно, есть лишь косвенные данные. «Зона-51» – скорее всего, один из них. Наиболее продвинувшиеся в этом имеют все шансы пережить апокалипсис цивилизации и получить сравнительно хорошие условия на старте в постъядерном мире. Рассматривались и другие варианты катастроф, однако со временем вероятность глобального ядерного конфликта, бесспорно, вышла на первое место.

Первым моим желанием было свернуть разговор, выбраться из этого подземелья, забыть все как страшный сон – плевать на неприятные процедуры и невозможность вернуться обратно. Вслед за этим приходило понимание, что бежать по сути некуда, это точно не мое. Не скажу, что меня окончательно убедил прочитанный отчет, нет, он, скорее всего, стал лишь катализатором, позволившим сложить в единое целое множество разрозненных фактов, дремавших на краю сознания. Те факты, которые раньше вызывали лишь мимолетную тревогу или недоумение, сложились в цепь событий. Слишком велика была безоговорочная вера в силу разума, хотя периодически я и убеждался в обратном. Если на пути в бункер у меня еще оставались варианты и пути для отступления, то сейчас их уже нет.

– Почему именно я? – я адекватно оценивал свои возможности, и этот вопрос не давал мне покоя.

– Скажем так, вы нам подходите, – с этими словами он уложил на стол очередную папку, которая оказалась моим личным делом за период службы в Вооруженных Силах РФ, извлек один единственный лист и продолжил: – Егоров Константин Сергеевич, 32 года, старший лейтенант запаса. Средняя школа, призыв в армию. Части специального назначения, через год направление на обучение в военный институт Министерства обороны. Распределение в Дальневосточный военный округ, спустя три года увольнение в запас. Правильно излагаю? – полковник задал риторический вопрос.

– Все верно, – я кивнул в подтверждение. Не очень то и люблю я вспоминать тот период своей жизни, связанный с увольнением, но что поделаешь.

– Кстати, если бы вас тогда не упустили из поля зрения, наш разговор имел бы все шансы состояться раньше. Разумеется, в несколько иной обстановке и, возможно, с иным результатом, тем не менее продолжим. Далее и до сегодняшнего дня вы пропадаете для всех, кроме ограниченного круга лиц. Местонахождение довольно быстро установлено, на время выезда в Европу срок подписки не истек, разрешение на выезд не оформлялось, – с этими словами он взялся за очередную папку. – Что касается ваших успехов в иностранном легионе, то большинство мне известно. Об остальном расскажете сами, если считаете нужным, – он так и не открыл папку, просто отодвигая ее в сторону, давая понять, что ее содержимое его не интересует. – Мы весьма тщательно относимся к подбору кандидатов. Ваши данные нас устраивают лишь на половину, так как весь предыдущий опыт, знания и навыки – лишь часть из того, что от вас потребуется в случае согласия. Теперь о главном, что непосредственно касается вас, без этого наше знакомство будет неполным, да и ваше решение будет не до конца взвешенным. Обычно эта часть разговора проводится после периода обучения, но в вашем случае я сделаю исключение.

Полковник извлек из стола паспорт и передал мне. Паспорт гражданина СССР, Ларионов Виталий Семенович, 1948 г.р., место рождения – Ленинградская область. На меня с черно-белой фотографии смотрело лицо немного помолодевшего, полковника Ларионова. Отец полковника? Почему имя и отчество совпадают? То, что это не шутка, я понял, когда полковник произнес:

– Паспорт мой, и да, он настоящий.

Я с сомнением взглянул на полковника, ну никак он не похож на человека, которому уже семьдесят, и задал единственно возможный в данных обстоятельствах вопрос:

– Сколько вам лет?

Простой, казалось бы, вопрос заставил его ненадолго задуматься, как бы прикидывая в уме.

– Биологически немногим старше вас, лет так на пятнадцать, максимум, а так... – он кивнул на паспорт у меня в руках. – Пожалуй, почти на сорок.

Отсутствие иронии в его словах заставляло его верить, я уже не задавал вопросов, терпеливо ждал пояснений.

– В 1969 году на геостационарной околоземной орбите был обнаружен неопознанный объект, – начал издали полковник. – После безуспешного дистанционного изучения было принято решение о спуске его с орбиты. Сразу оговорюсь, объект техногенного происхождения, как и когда попал на орбиту, осталось неизвестным по сей день. Возможность реализации представилась скоро. Как назло, в это же время интерес к объекту стали проявлять Соединенные Штаты. Пришлось торопиться, наземная часть операции была одной из первых спецопераций подразделения «Омега», в котором я на тот момент и состоял, поэтому вы сейчас слышите этот рассказ из первых уст. Объект удалось приземлить в степи, недалеко от Дзезказгана. В результате спешки и отсутствия должного опыта посадка вышла жесткой, но вопреки ожиданиям объект не разрушился, и даже не пострадал. Позже был перемещен в одну из исследовательских лабораторий в Сибири и подвергнут более тщательному изучению. К сожалению, фото, видео и другие материалы уничтожены, предъявить не смогу, тут уж пока поверьте мне на слово. Упоминание, тем более ведение документации относительно объекта в целях соблюдения режима секретности строго запрещено. Материал изготовления капсулы неизвестен. Мнения ученых на этот счет разделились, но то, что этот материал отсутствует на современной Земле, доподлинно установлено. Часть специалистов настаивают на инопланетном происхождении объекта, другие считают его пришельцем из будущего или из прошлого. На десятке других теорий по поводу его возраста и происхождения даже не буду останавливаться. Только спустя почти десять лет, с внедрением первых компьютеров, удалось вскрыть объект и установить его содержимое. На протяжении этого времени исследовательские работы продолжались с разной степенью интенсивности, но всегда с одним результатом, точнее отсутствием такового. Помог несчастный случай, или счастливый, для кого как. На ранней стадии исследований пропал ученый, член команды исследователей, некто Цветков Михаил Дмитриевич. Долгое время вели его активные поиски, включая территории иностранных государств. Как непосредственный участник исследований, он обладал всей полнотой информации. При вскрытии же объекта обнаружили аналогичные капсулы поменьше в количестве тринадцати штук, которые при проверке оказались пусты. За исключением одной, в которой и находился Михаил Дмитриевич Цветков, живой и невредимый. Как и при каких обстоятельствах он туда попал, объяснить не смог ни в тот момент, ни впоследствии. Более того, утверждал, что не заметил длительного пребывания внутри объекта. При глубоком и всестороннем медицинском обследовании после трехмесячного карантина стало очевидно, что, помимо близорукости, уважаемый Михаил Дмитриевич лишился других заболеваний, включая одно врожденное. Он был абсолютно здоров. Как утверждают специалисты, произошел процесс незначительного омоложения примерно на год за десять лет вынужденного затворничества. Впрочем, это может быть и эффектом регенерации и избавления от болезней. Началось активное изучение необычных свойств капсул, в результате которых установили, что объекты внутри капсулы не подвержены влиянию времени, эффект регенерации обнаруживается только при длительном, более года, пребывании.

Непрерывные опыты с одной из капсул привели к выходу ее из строя. Несмотря на настойчивые требования ученых, другую они в свое распоряжение не получили, занявшись обработкой уже имеющихся результатов и нерабочей капсулой. К сожалению, принципы действия и источники энергии для работы капсул остались неизвестны. Как оказалось, ресурс капсул не связан со временем пребывания в ней – только лишь с количеством циклов запуска. Опытным путем было установлено, что количество не превышает ста циклов запуска на одну капсулу с возможной погрешностью в меньшую сторону. Именно столько опытов было проведено специалистами. Уверен, имея они об этом представление заранее, смогли бы составить программу исследований на долгие годы вперед, но инструкций не прилагалось, исследования проводились в постоянном напряжении и ожидании если не ядерного взрыва, то каких-либо иных тяжелых последствий от неумелого обращения с взрезным объектом.

Так или иначе, процедура запуска была успешно освоена, большинство выводов со временем нашли свое подтверждение. Попытки копирования из других материалов без знания принципов работы устройства к успеху не привели. Ограниченный ресурс капсул и отсутствие значимых результатов исследований остудили пыл тех немногих, кто имел представление об объекте и мечтал запустить капсулы чуть ли не в массовое производство в лечебных и иных целях. В начале девяностых, мне рассказывали, пришлось особенно тяжело. Сам я этого времени по вполне понятным причинам не застал. Отстояли, сохранили, пришлось потом еще долго подчищать, восстанавливая режим секретности, и именно тогда выявилась еще одна неприятная особенность при попытке перемещения капсул. Дело в том, что капсулы работают в определенном радиусе от места извлечения из контейнера-носителя, что привело к прерыванию режима сна в одной из капсул при пересечении допустимого радиуса и внесло коррективы в график долгосрочных вахт. Предположения подтвердились после неудачной попытки закрытия контейнера-носителя, скорее всего он не был рассчитан на многократное использование. С 1979 года десять из существующих капсул используются для долгосрочных вахт, две остаются в резерве на случай выхода из строя или исчерпания ресурсов капсулы. Поводом для принятия столь кардинального решения стали события 1979 года, которые подтвердились в 1980-м. Тогда по разным причинам едва не дошло до обмена ядерными ударами между США и СССР. В первом случае это был человеческий фактор, во втором – сбой компьютера управления. В последующем такие случаи повторялись неоднократно.

Экспериментов по более длительному пребыванию людей в капсуле не проводилось, в одной из резервных капсул содержится служебный пес уже около сорока лет, поскольку необходимости в прерывании эксперимента нет, и ресурс капсулы не расходуется. За основу расчета длительной вахты принято время пребывания в ней Михаила Дмитриевича, который в настоящее время возглавляет научную группу нашего отдела. Кроме того, группа установила срок в десять лет как наиболее оптимальный для сохранения связи с существующим миром и не требующий длительной адаптации, за исключением периодов социальных потрясений и конфликтов. Уже по медицинским соображениям рекомендован межвахтовый перерыв не менее половины от срока, проведенного в капсуле. В реальности же он практически равен времени вахты. Методика отработана, сбоев, за исключением уже обозначенного случая, не было. Все члены группы обучены правилам обращения с капсулами и процедуре запуска, но пусковой ключ, который, по сути, является артефактом неизвестного происхождения, существует в единичном экземпляре. Думаю, не стоит лишний раз напоминать, что его утрата приведет к утере контроля над капсулами.

Место расположения единственного объекта категории «А», которое и является местом хранения и использования капсул, является государственной тайной наивысшего приоритета, а также основой всего проекта «Омега». А сохранение режима секретности и работоспособности объекта – наивысшим приоритетом специального подразделения «Омега».

По тону и манере изложения мне было понятно, что этот монолог произносится далеко не в первый раз. Некоторые детали опущены, углы сглажены, тем не менее, степень заинтересованности была просто запредельной, что невольно передавалось и мне. Еще больше я был удивлен тому, что сидящий напротив меня человек возглавлял когда-то самое секретное подразделение, не имеющее аналогов в мире. Все мои первоначальные выводы относительно него оказались ложными и правдивыми одновременно. Это был и боец, и аналитик, и оперативник, а также командир в одном лице. А ведь он немногим старше меня или намного? Запутавшись в подсчетах, после того как он закончил, я все-таки решил уточнить:

– Сколько времени вы провели в капсуле?

– Двадцать один год, – без запинки и, как мне показалось, с сожалением ответил он.

– Это вашу капсулу пытались вынести за пределы радиуса? – сопоставил я факты.

– Совершенно верно, и было это как нельзя своевременно, – задумчиво произнес полковник.

– Собака жива? – внезапно переключился я на животных, но собеседник меня понял.

– С большой долей вероятности, достоверных сведений нет, но, судя по герметичности капсулы и штатным показателям, это так.

– То есть, возможно использование и на более длительные сроки? Допустим, на сто лет?

– А вы этого действительно хотели бы? – полковник в очередной раз изучающим взглядом посмотрел на меня.

Я не смог представить, что будет через десять, не говоря уже про сто, и тут же понял, насколько это важный вопрос для полковника. С его слов получается так, что заступил он на вахту еще при СССР, а вышел из нее уже в другой стране, причем, раньше положенного срока и с последующими событиями, о которых решил пока умолчать. Поэтому ответил:

– Врагу не пожелал бы.

По тому, как напряжение спало, я понял, что это был правильный ответ.

– Я вижу, вы уже разобрались с понятием «длительная вахта», тем не менее, поясню. Для вас субъективно проходят мгновения, в то время как на Земле проходит десятилетие, говорю это по личному опыту. Ощущения после первой вахты незабываемые. Больше двух завершённых вахт ни у кого нет. Первые вахты были экспериментальные, продолжительностью по пять лет, последующие по десять, по поводу увеличения сроков вопрос не стоит. Необходимость использования капсул обоснована в первую очередь ограничением круга лиц и недостатком кадров с боевым опытом. Невозможно продолжительное время находиться в готовности к наступлению часа «икс» без потери боевых качеств, поскольку подразделение имеет строго определенное назначение. Поэтому подбор и подготовка производятся периодически. Я с удовольствием продолжил бы вахту, но, к сожалению, уже не прохожу по предельному возрасту. В результате на сегодняшний день мы имеем вместо постоянно расширяющегося штата двадцать бойцов подразделения высочайшего уровня подготовки, десять из которых находятся в режиме долгосрочной вахты, другие десять через шесть месяцев готовы будут заменить их. Трое из десяти, я в том числе, достигли предельного возраста и подлежат ротации – второй по счету со времени основания спецподразделения. Такое решение экономически обосновано и как нельзя лучше способствует поддержанию готовности группы к действиям при наступлении часа «икс» и обеспечению секретности на должном уровне. За все время существования группы лишь один человек пожелал оставить проект, в связи с изменением семейного положения. Судить за это его нельзя, это его выбор. Имеем также две боевые потери, одна из которых – в процессе подготовки, еще одной удалось избежать путем своевременного оказания помощи и использования регенеративных свойств капсулы.

Воспользовавшись паузой, я решился задать вопрос.

– Все бойцы подразделения несемейные?

– Совершенно верно, у всех отсутствуют сколько-нибудь значимые семейные и иные связи, это один из критериев подбора.

– Спорный критерий, на мой взгляд: если не за кого бороться, какой тогда смысл во всем остальном?

– Я бы посмотрел на это с другой стороны. Готов ли будет боец, потерявший в один момент всех своих родных и близких при наступлении часа «икс», выполнять задачи или предпочтет другие действия для оказания помощи родным? Сколько времени уйдет на адаптацию в условиях эмоционального шока? Как это повлияет на выполнение основной задачи при отсутствии контроля со стороны? Тем более что у всех бойцов только одна главная цель – выполнение основной задачи.

– О какой задаче идет речь? – поинтересовался я в свою очередь.

– При наступлении часа «икс» основной задачей группы становится эвакуация уцелевших людей из шести объектов категории «С» на объект категории «А» – «Омега-центр» – в течение года. А также резервных запасов снабжения и жизнеобеспечения по мере необходимости с двенадцати объектов категории «В» и хранилищ «Росрезерва», которым присвоена категория «D», но организационно не входящим в структуру проекта. Дополнительные задачи от разведки местности до организации аванпостов и поддержки анклавов и общин – на них останавливаться сейчас не буду. Выполнение основной задачи облегчается тем, что в составе каждого объекта категории «С» запланировано наличие не менее десяти процентов военнослужащих и имеющих опыт ведения боевых действий. На каждом таком объекте законсервирован транспорт для эвакуации. Осложняется выполнение задачи тем, что в постъядерном мире традиционные пути сообщения перестанут существовать, а имеющиеся будут представлять собой полосу препятствий. Кроме того, большинство убежищ, так или иначе, попадает в зону поражения, хотя целью такого поражения они не являются. Прямо скажу, задача будет не из легких.

– То есть разведка маршрута и эвакуация по этому маршруту?

– Совершенно верно, это оптимальный порядок выполнения задачи. В связи с удаленностью «Омега-центра» одноэтапная эвакуация невозможна.

– На сколько человек рассчитан «Омега-центр»?

– Более трех тысяч человек, в автономном режиме до трех лет, в режиме частичной изоляции – до десяти лет.

– Подземный город? – прикинув размеры запасов и количество людей, поинтересовался я.

– Можно и так сказать, со своей инфраструктурой и производством. У вас будет возможность ознакомиться с ним и другими основными объектами в процессе подготовки. В завершение нашего разговора могу вам предложить занять вакантное место командира специального подразделения «Омега» и моего заместителя с восстановлением в звании. Период вынужденного отсутствия будет зачислен в общий срок службы – со всеми вытекающими.

– Заснуть в нормальном мире и проснуться в аду, – больше для себя произнес я. – Хороший выбор.

– Не так: заснуть в мире, идущем под откос, и уцелеть в аду, – поправил меня полковник. – Мы предпочитаем не применять слово «сон», потому что это мало соответствует действительности. Впрочем, есть и другой вариант: случится чудо, и катастрофы не произойдет, разве мало примеров в истории, когда ученые ошибались? Тогда вы номинально продлите жизнь на два-три десятка лет, избавитесь от существующих болезней и последствий ранения, выйдете на пенсию вполне обеспеченным человеком даже по заграничным меркам, при званиях и регалиях.

Первый раз за этот день я почувствовал, что полковник говорит неискренне, он сам в это не верил, что было заметно, однако продолжил, но уже другим тоном.

– По своему опыту скажу: после первой вахты вся эта мишура перестает иметь значение, нет ничего лучше, чем сознавать, что катастрофы не случилось.

– Последний вопрос: почему все-таки проект и группу назвали «Омегой»?

– Наверное, потому, что это последний проект, который следовало бы создавать, не будь в этом острой необходимости, что в полной мере относится и к последней букве греческого алфавита. Потому что, являясь, по сути, первым спецподразделением современного типа и в своем роде единственным, о нас узнают в последнюю очередь, а лучше бы вообще никогда не узнали. Потому что, начав действовать в последние дни привычного для нас мира, мы призваны оберегать и обеспечивать развитие нового мира с первых его дней. Ну и в силу традиций и странной привязанности к греческому алфавиту: альфа, бета, гамма, дельта, сигма... Мне продолжать или достаточно? – уже с иронией закончил он.

– Вполне.

– Итак, какое будет решение? Если нужно время, оно у нас пока есть, – он демонстративно посмотрел на командирские часы.

Такие же часы носил когда-то и мой отец, – подумалось не к месту, и образ полковника сложился окончательно. Это был офицер старой закалки, с твердыми убеждениями и целью в жизни, большую часть которой уже отдал проекту, обладавший исключительными качествами, которые тщательно старался прятать за небрежностью движений и заурядной внешностью. В профессиональном плане это был волкодав в овечьей шкуре, можно только догадываться, какой опыт у него за плечами, пожалуй, хватит не на семьдесят лет, а на две полноценные жизни. Таких людей я еще не встречал. Мысленно посочувствовав себе и не желая заставлять его ждать, сказал:

– Согласен, что от меня потребуется?

– Для начала, я думаю, вам следует отдохнуть, подкрепиться и привести себя в порядок. Еще раз обдумать мое предложение и подтвердить свой окончательный выбор, посторонние люди в проекте мне не нужны. В вашем распоряжении есть еще порядка шести часов. Если у вас есть причины, по которым мое предложение окажется неприемлемым, вы все еще вправе отказаться, потому что обратной дороги уже не будет. Когда будете готовы, сможете самостоятельно найти меня здесь же. В помещении напротив есть все необходимое, я провожу.

С этими словами полковник встал из-за стола и направился к выходу, а я, подхватив сумку, последовал за ним. На пороге моего нового пристанища он передал мне карту ключа.

– Располагайтесь, можете курить, это пока не запрещено. После первой вахты сами бросите, гарантирую, – и он вернулся к себе.

Помещение было аналогичным по площади и обстановке, с небольшими отличиями: отсутствовали стол и сейф, зато нашлось место для спортивного тренажера с наборной штангой, парой гантелей и беговой дорожки. После недолгих колебаний я переделался в спортивный костюм и принялся за железо. Физическая нагрузка всегда помогала мне восстановить равновесие. Выполнив короткую программу из четырех упражнений по три подхода с наращиванием веса, наконец-то почувствовал прилив приятной усталости. Про себя отметил, что физической формы не потерял, хотя до оптимальной тоже далеко. Уже на беговой дорожке, под мерный стук кроссовок о покрытие, я заново прокручивал прошедший разговор и события дня.

Больше всего настораживало, что полковник говорил о возможной глобальной войне как о свершившемся уже факте. Все-таки не похож он на параноика или фанатика, твердящего на каждом углу о грядущем конце света. Значит, положение серьезно как никогда. Об этом говорит и нарушение стандартных процедур при вербовке, о чем пару раз обмолвился полковник, или это демонстрация особого отношения? Заслуживала внимания и предстоящая подготовка, если существующий уровень их устраивает лишь на половину, каким образом можно рассчитывать на результаты за шесть месяцев? Какая-то ускоренная система? К существующему уровню я пришел за пятнадцать лет, если не больше. Правда, были и перерывы, сразу после увольнения и после окончания контракта в легионе, это не в счет, будем считать, это был период необходимого отдыха. Только почему-то каждый раз такой отдых заканчивается

кардинальными изменениями в жизни. Ну а на что я рассчитывал, вопреки здравому смыслу, возвращаясь домой? Вопрос вопросов. Точно не на это. Как говорится, нет худа без добра, что было бы, если бы этой встречи не состоялось? Похоже, опять задаю нерациональные вопросы. Двум смертям не бывать, одной не миновать. Мыслей о возвращении в прежнюю жизнь не возникало. Более того – с каждой минутой крепло убеждение в правильности принятого решения.

Взглянув на консоль беговой дорожки, где цифры приближались к десяти километрам, решил, что пора заканчивать и не мешало бы перекусить. После контрастного душа перетряхнул имеющиеся запасы в холодильнике, благо было из чего выбрать, соорудил себе плотный ужин и с удовольствием принялся его поглощать. От желания закурить отказался, не люблю курить в закрытых помещениях, воспользовался жевательной резинкой, помогает. На практике частенько приходилось себя ограничивать, условия не позволяли. Зависимости не было, скорее привычка, пару раз бросал, и вполне удачно. Так что большой проблемы из этого не делал. Спать не хотелось, время уже к вечеру, да и не уснул бы все равно, слишком большой объем информации подсознательно продолжал обрабатываться в голове, выдавая время от времени вопросы и выводы. На исходе третьего часа решил включить телевизор, обнаружив при этом, что присутствует интерфейс внутренней связи. Выбрав на панели цифру «один», нажал на кнопку вызова. На экране появилась знакомая фигура.

– Освоились? – поинтересовался полковник.

– Да, спасибо, я готов.

– В таком случае через пятнадцать минут жду у себя, – уже вполне официально сообщил он и отключился.

Через пятнадцать минут я стоял на пороге его жилища.

– Товарищ полковник, разрешите? – решил блеснуть я знанием устава, открывая дверь помещения напротив.

– Виталий Семенович или командор, и никак иначе, – поправил меня он, улыбнувшись только глазами.

– Я готов, решения не изменил, – как можно тверже произнес и сел на прежнее место.

– Рад, что не ошибся в выборе, добро пожаловать, товарищ майор, – полковник следил за моей реакцией и, не заметив изменений в лице, удовлетворенно кивнул.

– Приказ о присвоении внеочередного звания, – он придвинул ко мне лист и стопку других документов. – Ознакомьтесь, подпишите где нужно, от формальностей мы пока не избавились, как видите.

А слова у полковника с делом не расходятся, – отметил я с удовлетворением. В числе прочих была и стандартная подписка о неразглашении, а также исправленное личное дело без указания поощрений и знаков отличия в легионе, что меня не удивило. Виталий Семенович тем временем продолжал:

– Прошу вас сдать личные документы и все имеющиеся электронные устройства, они вам больше никогда не понадобятся.

Я послушно извлек из сумки планшет и телефон, пару флеш-карт, паспорта. Подумав, положил туда же металлическую авторучку. Внимания командора заслужила только авторучка, остальное он сгреб со стола не глядя и убрал в небольшой металлический кейс, наверняка экранированный, затем, после секундного замешательства, авторучка отправилась туда же.

– Что в ней? – поинтересовался больше для порядка командор.

– Тетрадексин, парализатор, – не без гордости заявил я, – и еще пара сюрпризов вроде диктофона и маячка.

– Тоже неплохо, можете забрать потом, если понадобится. Радиомаяк и диктофон деактивированы?

– Конечно.

– Здесь это не важно, объект надежно защищен, но вот элемент питания наверняка пострадает. Еще сюрпризы есть?

– Нет, больше нет, я же не на войну... – взглянув на полковника, я осекся и добавил: – Честное слово.

– Продолжим, вот ваш новый паспорт, – он протянул мне пластиковую карту с моей фотографией, похожую больше на водительское удостоверение, только чуть большего размера. – Это паспорт нового образца, в ближайшее время будет принято решение о замене паспортов, мы решили немного опередить события, чтобы, как говорится, два раза не бегать. В ближайшее время он вам не понадобится. Паспорт снабжен чипом с вашими данными. Он же является заменителем всех существующих документов, от водительского удостоверения до страхового свидетельства, а также банковской картой. На ваш счет зачислено подъемное пособие, рекомендую на этот же счет перевести и все имеющиеся у вас средства, впрочем, это на ваше усмотрение, завещание тоже не мешало бы составить. Если для этого потребуются прежние документы, сможете их получить у меня. Все обвинения против вас уже сняты, базы данных подчищены, старшего лейтенанта Егорова, тем более майора Егорова нет и никогда не было. Все запросы, если таковые когда-нибудь будут, автоматически перенаправят в наш информационный центр, дальше это уже наша забота, кому и с какой целью вы понадобились.

К паспорту добавились красная книжица удостоверения, временный пропуск на объект, который в процессе обучения обещали поменять на постоянный, коммуникатор, карты других ключей с неизменными комментариями, как и в каком порядке всем этим пользоваться. Когда с формальностями было покончено, командор облегченно вздохнул.

– Теперь к делу. У нас в распоряжении неполные полгода. За это время вы должны будете пройти специальный курс подготовки по нашей программе в течение двух месяцев. Курс общей подготовки, как командир подразделения, составите самостоятельно для себя и еще двоих кандидатов исходя из оценки индивидуальных возможностей каждого и не в ущерб специальному курсу из расчета не более одного месяца. По окончании курса вам предстоит сдать два комплексных экзамена по выживанию в экстремальных условиях и захвату охраняемого объекта в составе малой тактической группы. В последующие два месяца вам предстоит ознакомиться с расположением основных объектов проекта, а также боевым расписанием на угрожаемый и постъядерный период и всем, что непосредственно касается выполнения основной задачи. Еще неделя отводится на боевое слаживание и подготовку в составе подразделения, заступающего на вахту. Там вас представят уже как командира подразделения, думаю, справитесь. Далее вам будет предоставлено две недели отпуска для отдыха и решения личных вопросов, если такие имеются. Пока понятно?

– Вооружение, экипировка, средства связи, транспорт подразделения, какие есть особенности?

– Особенности, безусловно, есть, изучить подробно сможете в процессе подготовки, расскажу вкратце. Проект уже давно занимает лидирующее место по затратам и явился одной из причин закрытия лунной программы. Поэтому ограничений в выборе вооружения и прочего не существует, кроме одного: оно должно быть отечественного производства, за исключением случаев, когда импортные превосходят по своим показателям или когда аналогов не существует. Более того, те образцы, которые успешно прошли испытания и в силу их высокой стоимости или другим причинам не пошли в серийное производство, будут предоставлены по первому требованию при их наличии. Бывали случаи, когда по нашему требованию изготавливались ограниченные партии вооружения и техники. Так, броневые автомобили «Тигр» и «Тайфун», внешне ничем не отличающиеся от серийных образцов, оснащены усиленной многослойной титановой броней и уникальными средствами поражения, есть и модифицированные БТР-90. Экипировка подразделяется на два основных варианта, на угрожаемый или межвахтовый период и постъядерный. В первом случае она ничем не отличается от экипировки

других спецподразделений – в зависимости от выполняемых задач, разве что качество исполнения выше. Основу экипировки на постъядерный период составляют боевые скафандры со встроенным экзоскелетом бионического типа. Вариант разработан специально для нашей программы на основе боевого космического скафандра. Помимо упомянутого экзоскелета имеет ряд дополнительных функций управления и замкнутый цикл жизнеобеспечения, а также долгосрочные элементы питания. При оснащении дыхательным оборудованием возможно использование в открытом космосе, прекрасно подходит для использования в зонах загрязнения. Кроме того, в наличии обычная арктическая экипировка, с незначительными изменениями и модификациями в соответствии с задачей. Имеющиеся средства связи работают без привязки к существующим частотным диапазонам и спутникам, чем объясняется их недостаток в дальности действия. Их использование обусловлено особым режимом секретности, а также тем, что в час «икс» все средства связи и управления выйдут из строя в первую очередь. После часа «икс» ограничения на использование таких средств связи снимается, для чего создан необходимый резерв. По тем же причинам имеем жесткие ограничения на использование любых информационных и спутниковых технологий. Выданный вам коммуникатор не имеет ничего общего со спутниками или вышками сотовой связи, позволяет поддерживать необходимую связь через сеть автономных ретрансляторов. Более подробно расскажут специалисты исследовательского отдела, если вам это будет нужно. Личное оружие и экипировку на период подготовки вы можете выбрать на свое усмотрение, а вот личный позывной вам вряд ли понадобится, во всяком случае, до часа «икс».

– Надеюсь, тепловизоры и ПНВ под ограничения не попадают?

– Нет, этого в избытке, в боевые скафандры эти приборы интегрированы.

Нет, мне это определенно не нравится. Когда я последний раз держал в руках отечественное оружие? Пять-восемь лет назад, хотя сложности и будут, разберемся. Но вот отсутствие привычных средств связи, электронных карт, систем GPS – как прикажете ориентироваться? По звездам или мху на деревьях? Как воевать-то? Неужели и спутников не останется? А позывной? Да прикипел я уже к нему, даже в легионе сквозь пальцы на это смотрели, только переиначили на свой манер. Для всех я был и останусь «Барсом», пятнистым зверем, но не оленем, попал так попал. Ну почему так всегда: стелют мягко, да не уснешь совсем. Я представил себя в космическом скафандре с АК наперевес и «эфкой» в руках на заснеженных просторах нашей необъятной, и стало совсем не весело. Тем не менее, я улыбнулся. Те, кто меня хорошо знал, а таких было на удивление мало, были в курсе, к каким последствиям это приводит, и старались отойти подальше, давая оперативный простор. Вот и полковник, угадывая мое настроение, спросил:

– Чего приуныл, сердешный, делов-то: дожидаться всеобщего катаклизма, да и прошвырнуться за тысячи верст по руинам и останкам цивилизации, постараться при этом не умереть, а то многие от этого сильно расстроятся. Да и позывной свой сразу вернешь, прикипел же?

– Мысли читает, что ли? – уже всерьез забеспокоился я.

– Я мысли не читаю, у тебя на лице все написано, – в очередной раз огорошил он меня. – Моя вина, слишком много информации для одного раза, хоть и с перерывом на обед, – он усмехнулся. – Зато, – он сделал театральную паузу, – теперь я знаю твой порог и, надо сказать, впечатлен. Вижу, что не ошибся. Если бы ты знал, сколько в этом кабинете взрослых мужиков теряли контроль и потом краснели, наверно, загордился бы, – уже давно перейдя на «ты» и как-то даже по-отечески произнес полковник.

Тут мне стало по-настоящему стыдно. За свою неуверенность, какие-то непонятные телодвижения и сомнения. За то, что явно занятой человек, тащивший на своих плечах проект ни много ни мало выживания нации, а может быть и цивилизации, водит целый день вокруг меня хороводы, убеждая помочь самому себе, заодно и людям.

– Мои извинения, я все понял, – это было единственное, что я мог сейчас сказать.

- Извинения приняты, работаем?
- Работаем.

Глава 2. База

«Тяжело в учении, легко в бою»

(Суворов А.В)

Ночь в бункере прошла спокойно, вопреки ожиданиям я даже выспался. Никто не беспокоил, уже ближе к ночи на связь по терминалу вызвал полковник, поинтересовался, все ли необходимое у меня есть и назначил время сбора. Утро началось с интенсивной зарядки и душа. От плотного завтрака пришлось отказаться, кто знает, какие сюрпризы мне готовит день грядущий. Еще вчера нашел в контейнере сухие пайки, один закинул в сумку, пригодится. Махровый халат и тапочки по привычке русских туристов забирать не стал. К назначенному времени вышел в коридор. Полковник с кейсом в руке стоял у лифта, разговаривал с человеком в камуфляже, видимо отдавал распоряжения на время своего отсутствия, издали не разобрав. Увидев меня, посмотрел на часы, его собеседник кивнул в последний раз и удалился в противоположный коридор, лампы освещения сопровождали его путь, загораясь ярче и переходя в дежурный режим по мере прохода.

– Доброе утро, я готов, – поспешил обрадовать командора.

– Доброе, – он крепко пожал мою руку. – Предусмотрительно, Сомов оценит – он взглядом указал на сумку, слегка потяжелевшую.

– Все свое ношу с собой, – браво отрапортовал я, не до конца поняв, причем тут какой-то Сомов.

– И это хорошо, – вполне серьезно констатировал он.

Мимо его внимания ничего не проходит, не хотел бы я попасть под его руку в нежном возрасте. Вспоминая золотые курсантские годы, я невольно задумался.

Тем же маршрутом, что и накануне, вернулись к уже ожидавшему уровню выше микроавтобусу и заняли места согласно купленным билетам. Уже привычно подъемная платформа шлюза поползла вверх. Затемненная стеклянная шторка между пассажирским отсеком и водителем была поднята, поэтому сидящего за рулем разглядеть было невозможно, скорее всего, тот же. В этот раз у меня была возможность рассмотреть комплекс, да и дорога в аэропорт заняла куда меньше времени. Уже через десять минут движения стали попадаться знакомые ориентиры. Как и положено, полковник первым нарушил молчание, отвечая на невысказанный вопрос.

– В качестве надземной части бункера используется логистический центр, вполне себе рабочий, удачная маскировка. Только о закрытой его части знают единицы, а о подземной еще меньше – пояснил полковник.

Ну да, довольно удобно, огромная площадь, многочисленные строения и склады, железнодорожная ветка, автомобильная дорога, подстанция, есть где борт посадить, если возникнет такая необходимость.

– Остальные объекты такие же?

– В общих чертах да, условия и требования одинаковые, варианты исполнения разные, сами скоро увидите. Программа подготовки для вас начнется с медкомиссии и общей ее части, где вы сможете подобрать для себя необходимые экипировку и вооружение на весь период подготовки. Тренировочный комплекс находится недалеко от одного из объектов, на случай эвакуации предусмотрен наземный транспорт. Там вам предстоит познакомиться с двумя другими кандидатами.

С этими словами полковник извлек из кейса два листа с диагональной красной полосой, поочередно передавая их мне. С небольшой фотографии, как и положено, в углу листа, размером три на четыре, возможно чуть больше, на меня смотрело открытое лицо молодого чело-

века вполне заурядной внешности, если не считать слегка прижатых ушей и довольно крупных черт лица.

– Старший лейтенант Сомов Михаил Андреевич, 24 года, выпускник Рязанского командного, успел отличиться, имеет необходимый опыт, отобрали у коллег из Генштаба, – полковник слегка улыбнулся, как будто вспомнил какой-то анекдот не к месту. – Позывной «Пегас». Рассматривается на должность штатного разведчика-водителя подразделения.

Ладно. С этим пока понятно. Взяв же второй лист, я как будто обжегся, едва только взглянув на фото. На меня смотрело симпатичное лицо блондинки, вроде держал в руках глянцевый журнал, а не выписку из личного дела. Недолго думая, я попробовал вернуть этот лист полковнику, но наткнулся на его ухмыляющийся взгляд. Это что шутка такая? Не похоже.

– Так не пойдет, я не знаю какие у вас порядки, но кроме солдата Джейн, я спецов в юбке не знаю. Женщина на корабле – быть беде. Мне ее истерик еще не хватало. Кто с ней нянчиться будет? Это же мина замедленного действия... – продолжал негодовать я, стараясь не перейти на мат, Впрочем, не повышая голоса. Я бы мог привести еще с десятков доводов, но полковнику видимо надоел мой словесный экскурс, поэтому он жестом остановил меня.

– Товарищ майор, если вы сможете обойтись в группе без штатного медика, специалиста связи и информации, снайпера, переводчика и повара и все это в одном лице, я внимательно выслушаю Ваши предложения или варианты замены. В конечном итоге последнее слово будет за Вами, но попрошу свое решение тысячу раз взвесить.

Нет, я не был женоненавистником. В силу своего воспитания просто не воспринимал женщин в форме, считая это блажью и данью моде. Я насмотрелся в Европе на них, составляющих чуть ли не половину патрульных сил полиции, что было частью гендерной политики. При этом всегда пытался представить их при задержании вооруженного преступника или сходящимися в рукопашной схватке с обдолбанным детиной, нарушающим общественный порядок, и не мог. Как и не мог представить их в армии, за исключением дежурства за экранами мониторов и служб обеспечения. Даже новость о приеме на службу в армии НАТО лиц, с неопределенной ориентацией, мягко говоря, не имела такого эффекта, как то, что происходило здесь и сейчас. Ох, что-то не к добру я про них вспомнил.

– В переводчике не нуждаюсь, – продолжил я разговор, уже возвращаясь в конструктивное русло, и принялся за изучение анкеты.

– Вот и хорошо. Сказать по правде, я тоже не был сторонником участия женщин в проекте, по крайней мере, в силовой его составляющей. Однако возможные плюсы, в конечном итоге, перевесили в пользу принятия такого решения. Кроме того, рассматривался вариант, что вопреки всем приложенным усилиям, уцелеют в катаклизме только те, кто находится на вахте, то есть непосредственно в капсулах. Поскольку млекопитающие почкованием или делением пока не размножаются..., в общем, сами понимаете, но это крайне маловероятный вариант, не стал бы заострять на нем внимание. Помимо функциональных задач, где женщины традиционно справляются лучше, они благотворно влияют на поддержание боевого духа в подразделении, отличаются большей ответственностью и тщательностью при выполнении задач. Я сомневаюсь, что у нее будут преимущества при подъеме и переноске тяжестей, но что касается всего остального, у Вас будет возможность убедиться.

Хорошо, что пионеров не включили в группу, мало ли какие доводы для этого имеются, продолжая цепляться за стереотипы, ворчал я уже про себя, понимая, что полковник, как всегда оказывается прав.

– Капитан Цветкова Алена Витальевна, 27 лет, выпускница Краснодарского летного, участие в спецоперациях, знание трех иностранных языков, включая китайский, опыт управления средствами малой авиации, специальность РЭБ, кандидат технических наук..., кандидат на должность разведчика-снайпера, санинструктора по совместительству, внештатный пилот и специалист связи, позывной «Цифра»

Полковник методично продолжал забивать гвозди в гроб моих сомнений, вместе с тем фамилия не давала покоя.

– Уж не родственница ли это начальника научного отдела? – запустил я пробный шар.

– Внучка, – с неохотой произнес полковник, хотел еще что-то добавить, но видимо передумал. – Готовили для исследовательского отдела проекта, но вышло по-другому.

Ага, хотели как лучше, получилось как всегда, своенравная девица, похоже. Когда же она все успела? В двадцать семь лет то? Меня стала накрывать волна белой зависти. Поди и крестиком вышивать умеет. Что же так не везет то? Может, ну его ко всем чертям? Скрутить в бараний рог и попросить на выход. Решение по людям за мной, сам сказал же. Тоже не вариант. Самолетами, вертолетами управлять не умею, может и не понадобится. Китайский заменим английским или немецким на худой конец, осталось научиться проводить несложные медицинские операции по удалению аппендикса в полевых условиях и кашеварить, и да защитить диссертацию, технарь в группе всегда хорошо. А еще взаимная нелюбовь к СВД, так у меня сложилось, это уже куда как серьезнее. Ну что, ваша взяла... пока...

– А как же отсутствие родственников и значимых связей?, – уже без надежды поинтересовался я.

– Здесь случай особый, есть все шансы, что ее родственники, в первые часы катаклизма, не погибнут, поскольку являются участниками проекта – уже сухо и явно не желая далее обсуждать эту тему, произнес полковник.

Ну вот, ничто не ново под луной, как только родственники, так сразу особый случай, не пожалеть бы мне. Так можно и горя хлебнуть, особый случай – особое отношение и пошло-поехало. На вторую часть фразы я тогда внимания не обратил. Занят был другими мыслями.

– А мать? – не унимался я, – тоже в проекте?

– Тоже в проекте, – сказал, как отрезал.

Вот и первые недоразумения, похвалил я себя за прозорливость, баба на корабле все-таки не к добру. Если бы я тогда знал, насколько неправ, заранее бы просил прощение.

– С личными делами всех бойцов группы вы можете ознакомиться позже, после окончания подготовки, этого пока достаточно, – уже вполне миролюбиво закончил полковник.

Разговор подошел к концу, полковник убрал бумаги в кейс, микроавтобус медленно проехал через пост и выкатился на взлетное поле к прогревающему уже реактивные двигатели небольшому самолету «Cessna». Поднявшись по откидной двери-трапу, разместились в довольно просторном и комфортном салоне, в таком мне летать еще не доводилось. Удобные сиденья из мягкой кожи бежевого цвета, нарядные столики, отделка из натурального дерева, не то что бы я любил комфорт или питал к нему слабость, но при возможности, охотно им пользовался. Прикинув дальность полета подобных пташек, пришел к выводу, что далеко не полетим, три-четыре тысячи километров без дозаправки, не более. Сам полет сильно отличался от обычного в магистральном самолете, прежде всего уровнем шума, однако было что-то неустойчивое, более резкое в этом полете. Тем более ни шло ни в какое сравнение с полетом на винтокрылой машине, когда шум винтов и дребезжание способны заглушить звук выстрела.

– Сколько нам лететь? – решил я все-таки поинтересоваться, прикидывая в уме, как потратить это время с пользой, имею право.

– Часов пять, думаю, не меньше. Проведите его плодотворно, – с этими словами полковник встал и пошел к двери пилота, за которой и скрылся.

К моему удивлению дверь почти сразу отворилась и из нее, протискиваясь бочком, появилась фигура одним ярким пятном. За два метра ростом, белобрысый, со слегка прижатыми ушами, от чего складывалось впечатление полного их отсутствия, крупным носом, который почему то его не портил, бровями почти бесцветного вида и ясными глазами неопределенного цвета. Одет незнакомец был в пляжные шорты и гавайскую рубашу совершенно нелепых цветов, обут в летние мокасины. Приблизившись на пару шагов, улыбнулся во все тридцать два

зуба, как будто встретил давнего знакомого, но спохватившись, тут же пригасил ее. В незнакомце я не без труда опознал Сомова, фотография три на четыре не передавала до конца всей его колоритной внешности, видимо в силу своих размеров. В этом человеке, если брать по отдельности было всего много, вместе с тем он производил впечатление весьма положительного и умного человека. А первое впечатление меня никогда не обманывало.

– Барс, – я протянул ему руку для приветствия, решил не щеголять званием, сам еще не привык.

– Пегас, – он осторожно пожал мою руку, явно соизмеряя свою силу, видимо уже были прецеденты. – Полковник сказал мне, что Вы будете моим командиром, – он слегка кивнул на дверь пилота.

– Верно, давай на ты, официоз не люблю. Сам узнал только вчера, так что работать будем вместе. Принимается?

– Без вариантов. Ты это видел? – заговорщицки сказал Сомов, опять кивая на дверь

– Ты о чем?

– Девица за штурвалом, огонь! – восхищенно добавил и покачал головой.

Похоже, я понял, о ком он говорит, и это меня уже совсем не радовало.

– Блондинка с зелеными глазами, короткая стрижка, правильный нос...

– Ну да, говорю же, огонь, и с остальным все в полном порядке, как с обложки. Даже поболтали немного ни о чем.

– Аленой зовут? – лишний раз убедиться не помешает.

– Точно, Аленой.

– Пегас, не хотел бы тебя огорчать, но это не девица, как ты выразился «огонь», это третий боец в нашей группе, и, кстати, она старше тебя на три года, капитан, спортсменка, комсомолка... и кандидат наук.

Зря я так. Сказал и уже пожалел. Улыбка медленно сползла с его лица, выражение сменилось на недоверчивое, левый глаз слегка прищурился, как будто меня уже в прицел рассматривает. Ох, и не хотел бы я попасть в этот прицел.

– Шутишь?

– Не...а – уже я отрицательно покачал головой, – к сожалению не шучу.

Не знаю, что его так сильно расстроило, то что девица с обложки старше его, или то что она в группе, или то что капитан и кандидат наук, а может и то, что она комсомолка... Не знаю, скорее всего все и сразу, на секунду я почувствовал себя на месте полковника, сообщающего олуху царя небесного о неминуемой катастрофе. Злоупотребление служебным положением на лицо, а ведь это только первый день.

– Ну чего стоим-то? Давай присядем, водички принести? – с иронией поинтересовался я.

– Да не, все нормально, – парень явно пребывал в нокдауне. – Вот я идию-о-о-т! – протяжно и зло сообщил он мне.

– Что не так?

– Да так, предупредить надо, я ж не знал, – уже обращаясь к невидимому собеседнику, пробубнил он.

– О себе расскажешь? Так, для общего представления.

Михаил немного задумался, видимо решая, что рассказывать, а что нет, не без усилия начал.

– Да все как у всех. Дед меня воспитывал, родителей не помню. Он у меня лесничий был. Сколько помню, постоянно в лесу пропадал, сначала один, потом и я с ним. Так что на свежем воздухе да без присмотра, в общем, что выросло, то выросло. По малолетству в историю чуть было не влип, вот дед и решил меня в кадетку определить, от греха подальше. Там уже пришло время другим удивляться, со вступительных экзаменов началось. Бег, подтягивание, метание гранат, учебных естественно. С гранатой хорошо помню вышло, перенервничал или что, сам

не помню, нашли в общем... на следующий день, далеко зараза улетела, метров на семьдесят, да в траве потерялась. Чуть не завернули обратно. Зачислили, куда деваться, даже другие экзамены не сдавал. Дальше – больше, собрал все спортивные разряды, какие можно было, юношеские естественно. С соревнований не вылезал, какая уж там учеба. Поначалу даже нравилось. На носу поступление в Рязанское. Взяли, можно сказать, за спортивные заслуги. Потом травма, сложный перелом, долго восстанавливался, со спортом завязать пришлось на время. Про учебу вспомнил, пришлось наверстывать. Пару раз чуть не отчислили, комбату спасибо, заступился. К третьему курсу вошел в колею, опять соревнования, тут меня и заметили, как водится. Приезжал покупатель, из ГУ ГШ как оказалось, так и попал в спецуру. После выпуска сразу забрали, даже в отпуск не поехал, деда схоронил уже к тому времени. Так и проболтался в Москве, осматривая музеи и памятники – тут он улыбнулся, явно что-то вспоминая. – Ну а дальше, обычная работа, две – три командировки в год, регионы разные, задачи тоже. Подписки пока ни кто не отменял, в личном деле наверняка все есть, ну или почти все. Потом как гром среди ясного неба, полковник объявился. Когда уж своими глазами посмотрел, да объяснили что к чему, долго не думал. Тут я нужнее, там и без меня справятся, есть кому.

– Позывной сам выбирал?

– Можно и так сказать, приклеилось с детства, прыгать любил с сараев да деревьев, хорошо с крыши дома дедова не додумался, хотя мысль такая посещала. Добавь к этому беготню наперегонки до озера, вот тебе и позывной. Хотя, с таким же успехом и дельфином назвать могли. Сам то, тоже из наших? Постарше, вот и не пересекались видимо.

– Не совсем, в спецназ на срочную попал, не тот конечно, а в РВСН, скорее караульная рота. Пока учебка, потом из караулов не вылезали, через день на ремень. Давали, правда кое-что, но урывками, галопом по Европам. Все на личной подготовке держалось. Через год махнул я обучаться военному делу настоящим образом. Вот где раздолье было, занимайся – не хочу. И занимались, и группой и индивидуально. С третьего курса из спортзала и спортгородка не уходили, разве что не ночевали там. Тоже многие в спецуру попасть мечтали. Только вот после выпуска не сложилось, вместо Питера – Дальний восток, в бригаду. С водой я с детства не в ладах был, пришлось многому учиться. Командировок не много, но длительные, вот в одной из таких и прилетело, аккуратно между пластин, списали вчистую, медкомиссию не прошел. Не тут-то было, через полгода уже в легионе был. Поначалу непривычно, условия жесткие, но потом привыкаешь, да и скучать не пришлось. Хотел расти профессионально – расти, денег хотел – получи, только вот беречь тебя никто не должен и даже не обещает. Все честно. До поры до времени. Последнее время слишком часто стали появляться деловые парни, да все больше по-американски общаться, так что я уже сомневаться начал, не переименовали легион в бригаду какую-нибудь тактическую. В общем, нездоровые пошли контакты. Продлевать контракт не стал, минимум есть. Многие ушли, слишком все переменялось. Говорил мне грек один, что дело к большой войне идет, не верилось. Решил отсидеться пару лет в благополучной Европе, да только решил вернуться. Тут меня командор и взял в оборот. Искали меня, да доставать не решались, хлопотно. А тут я и сам в руки иду. Мир, говорит, спасать пора, а ты по границам. Вот сидим теперь и общаемся.

– Француз значит? – как то задумчиво произнес Сомов.

– Э, нет, погоди. Это если наши деды пол Европы прошагали ножками, сразу европейцами сделались? Тут ведь как получается, остался бы здесь, так и затерялся бы, думай как знаешь.

– Извините, не про то я. Вижу, что помотало. Тоже в легион хотел бы попасть – примитивным тоном и сбиваясь на Вы, сказал Сомов, и добавил – на разведку... А позывной?

– Тут проще, со срочной еще, а у них так вообще слова такого нет, все дикие кошки – леопард, и все тут, пришлось переименовать на Лео.

Не собирался я с каждым вести подобные диалоги, достаточно с одним, а там уже само расплзется, обрастая деталями. Для авторитета не помешает. Потому как командир без авторитета все равно, что пистолет без патрона, хочешь орехи коли, хочешь пиво открывай. Кто спросит – ответу, стыдиться мне не чего. Кто наглеть начнет, да не по делу, пожалеет, что на свет народился. А то, что про легион без подробностей, так тоже подписка. Хороший он парень, да и боец, судя по всему отменный, если вся такая команда подберется, горы можно свернуть. То, что молод, так это проходит с годами, но попридержаться надо будет, больно горяч, походя пару голов свернет, не заметит.

– Кормить в дороге не обещали, как я понял, – оглядываясь по сторонам, как бы высматривая стюардессу с подносом, недовольно произнес Сомов, всем своим видом показывая, что если не добудет съестного, начнет есть кожу с обивки кресел.

Всерьез опасаясь за сохранность предметов интерьера, я с видом фокусника извлек из сумки запечатанный в пластик сухой паек. Вот и пригодился, вспомнил почему-то полковника. Лицо Сомова просветлело, однако он не стал вырывать его у меня, вопреки ожиданиям, а направился к дальнему ряду кресел и принялся рыться в своей сумке, которую я ранее не заметил. С не менее интригующим видом он извлек плоскую бутылку коньяка и поставил на стол, после чего запоздало спросил:

– За знакомство? Позавтракать не успел, а дело уже к обеду.

– Почему бы и нет, – не стал расстраивать я Пегаса, во избежание недоразумений.

Дверь отсека пилотов открылась, на пороге появился полковник, видимо звуки возни не остались не замеченными, а может перемещения Сомова по салону вызвали турбулентность. Увидев наши приготовления, полковник не удивился, лишь проговорил:

– Вижу, знакомство состоялось.

– Виталий Семенович, присоединяйтесь.

– Куда же я денусь, да и без меня вы пропадете.

Он направился к дальней перегородке, где из встроенного шкафа принялся извлекать бокалы, фрукты, шоколад, какие-то баночки и пакеты с хлебом и нарезкой. Сомов был уже рядом и послушно подставлял ладони, где все это без труда поместилось. Закончив с сервировкой, собрались вокруг стола. Темная, янтарная жидкость заплескалась на дне бокалов.

– За чистое небо над головой, – по праву старшинства Виталий Семенович произнес такой знакомый тост, который сейчас воспринимался совсем иначе.

Напряжение последних дней отпускало, хотелось курить, жевательная резинка привычным движением отправилась в рот. После недолгого застолья полковник, прихватив пару наспех приготовленных бутеров и шоколадку, вернулся в кабину пилотов. Мы с Сомовым расположились в креслах, думая каждый о своем. Обсуждать что-то было преждевременным. Я смотрел в иллюминатор, на расстилающиеся плотной пеленой облака. Всего сутки назад я так же рассматривал облака из иллюминатора пассажирского Боинга. Только на смену неопределенности при возвращении, пришло другое беспокойное чувство, от которого становилось и легче и тяжелее одновременно. Во-первых, я снова в деле. Значит не зря в свое время я рисковал. Во-вторых, хоть я уже и не в том возрасте, когда стремление самоутвердиться заслоняет все остальные цели, но все же рад, что нахожусь здесь и сейчас. В-третьих, я понимаю, что со стороны полковника мне выписан практически неограниченный кредит доверия, а быть должным я не люблю. Вот только обстоятельства, сопутствующие всему этому, и то, что пока не случилось, но обязательно случится... и задача, главная задача. Иногда вся твоя жизнь сводится к одному единственному решению, после которого эта жизнь и приобретает окончательное значение. Значит все правильно, так и должно быть. Чему быть, того не миновать. Обратил внимание, что начал думать по-русски, еще вчера в мыслях сбивался то на французский, то на немецкий. Родной воздух не иначе, и задремал.

Гул двигателей изменился, самолет шел на посадку. Сомов все еще спал в своем кресле, пришлось помочь ему проснуться. Он огляделся по сторонам, похлопал зачем-то себя по плечам, пытаясь вспомнить, где находится, видимо вспомнил.

– Пристегнись, садимся, стюардессы уже сошли.

– Понял, – подумал немного и пристегнулся.

В иллюминаторе сплошным ковром появился лес, с цепью холмов и невысоких гор вдалеке. Самолет уверенно коснулся шасси бетонной полосы и вскоре остановился, заглушив двигатели. Дверь-трап плавно открылась. Командор вышел из кабины.

– Проходим к правой броне. Пегас, техника знакомая?

Сомов высунул голову в проем двери, глянул.

– Если без вертикального взлета, то да, – пошутил и расплылся в улыбке.

– Тогда бегом, осваивай, через десять минут будем, – распорядился полковник.

Вопреки ожиданиям, никаких видимых строений не было, только бетонная полоса в поле посреди леса. В конце полосы стояли два бронетранспортера. Из встречающих никого не было, к самолету не торопились с докладами ответственные лица, обгоняя друг друга. Никто не спешил обнаруживать свое присутствие. Погода пасмурная, градусов пятнадцать не больше, того гляди дождь пойдет. Не успел обернуться, Сомов уже двигался бодрым шагом почти бегом, к правому БТРу.

Вслед за мной по трапу спустился командор.

– Второго кандидата нужно представлять? – кивнул в сторону проема двери самолета.

– Думаю, что сам справлюсь, – в проеме, с сумкой в руке появилась та самая блондинка. Легко, почти не касаясь ступенек, спустилась на землю.

– Алена, – представилась незнакомка, протягивая руку.

От такого зрелища я не сразу пришел в себя, все мои контраргументы были разбиты этим взглядом. Кого ты там в бараний рог собирался... Приплыли... Протянутая рука все еще висела в воздухе. Несколько поспешно пожал, и выпалил

– Костя...ммм... Константин, – хоть сквозь землю провались, ругал уже мысленно сам себя.

– Детский сад, – буркнул себе под нос командор, не понятно кого имея в виду, то ли кого-то из нас, то ли обоих сразу. Развернулся и зашагал в конец полосы.

Ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

– Как самочувствие? – ласково поинтересовалась спутница.

Что не так у меня с самочувствием? Да все не так, ноги ватные, голова чумная, руки вообще не слушаются. Из-за перелета видимо, акклиматизация, может коньяк. Закурил на ходу и ответил чуть с запозданием:

– Бодрое.

– По виду не скажешь, – с сомнением бросив на меня короткий взгляд, заявила Алена.

– Помочь? – сделал я попытку взять сумку из ее рук.

– Спасибо, сама справлюсь, – уже с явным неудовольствием заявила она.

Что накатило, сам не пойму. Крыл себя мысленно трехэтажным матом. Что за реверансы. Пора заканчивать, добром не кончится. Следовало как-то разрядить обстановку, но ничего в голову не приходило. Шах и мат. Так и дошли до БТРа. Уже не предпринимая попыток пропустить даму вперед, закинул сумку в боевое отделение через боковую дверь, хорошо, никого не задел, залез внутрь. Следом залетела вторая сумка и в проеме показалась голова Алены. Дождаться не стал, перебрался на место стрелка-оператора, проверил приводы. Боекомплект оказался полным. Все это время Алена возилась с закрыванием тяжелых боковых дверей. Занятие оказалось для нее не легким, но вполне посильным. Делал вид, что не замечаю. Что ж, сама, так сама.

Командор сидел на правом переднем сиденье, выполняя видимо роль штурмана. Двигатель взревел, БТР плавно тронулся, пошел на разворот. Накинул шлем, обозначился по бортовой связи. Было время оглядеться. Внешне обычный БТР, явно подвергался глубокой модернизации. Внутренние поверхности брони отделаны жесткими плитами. Дополнительное бронирование, термо- и шумоизоляция, скорее всего. Несколько дополнительных панелей приборов мелькали разноцветными огнями. Салон десантного отделения был более комфортабельным, при этом не в ущерб вместимости. Много других, более мелких отличий, на ходу всего не ухватить. В целом очень даже неплохо. В боевом отделении, в гордом одиночестве сидела Алена, слегка покусывая губу и время от времени бросала короткие взгляды по сторонам. Ехали не долго, минут двадцать пять на довольно приличной скорости. Командор подсказывал дорогу и периодически напоминал Сомову, что БТРы не летают. Остановились. Заглушили двигатель. Подождали немного пока осядет пыль, новичков нет, дурачков тоже. Спешились.

Недалеко виднелась речка с пролетами небольшого моста, по которому недавно проехали. Не быстрая, шума воды не слышно. Темный смешанный лес по дальнему берегу, с густым подлеском и хорошо различимыми буреломами, зеленая трава сочного цвета с разноцветными пятнами полевых цветов. Глаз радовался, красота.

– В такие места хорошо на рыбалку с охотой, на недельку другую. Рядом стоял Сомов и едва не мурлыкал от удовольствия.

Идиллию нарушало свинцовое небо, нависшее над горизонтом и строение метрах в двадцати за нами, на вид самая обычная одноэтажная казарма, к которой вела грунтовая дорога, заканчивающаяся шлагбаумом. А главное, она была обитаема. У шлагбаума нас встретил дед лет шестидесяти, крепкий такой мужичок, в плаще и высоких сапогах, кепка на глазах. С серьезным видом поприветствовал командора, оглядел нас, документы спрашивать не стал, как и представляться, сурово поздоровался со всеми за руку.

– Проходите, Все уже готово, обед через тридцать минут, вечером баня, если кому надо.

В небольшой с виду казарме уместилось все – жилые комнаты, кабинеты, столовая, оружейная, были отдельные санузел и душевые, даже спортзал, довольно прилично оборудованный и занимающий почти половину площади строения. Разместились в отдельных комнатах. Кровать, стол со стулом, шкаф для одежды, металлический шкаф для оружия и снаряжения, вот и вся мебель по сути, все чисто и аккуратно, как будто и не жил никто здесь. Никаких телевизоров и компьютеров. Двери на электронных замках. Обратил внимание на бронированные окна, на вид от обычных стеклопакетов не отличишь. Раскидал вещи по местам, переодеться не стал, накинул брезентовую куртку, вышел покурить. Дошел до шлагбаума.

– Далеко собрался? – неожиданно за спиной раздался голос деда. Вот черт, напугал, сам виноват, расслабился.

– На разведку, дед, – небрежно ответил я.

– Какой я тебе дед? – серьезно проговорил местный житель. – Аркадием Борисовичем меня зовут, можно просто Борисовичем и выкатать не нужно, не люблю.

– Я понял, Борисович, ты же не представлялся.

– Да и ты мне аусвайс не показывал, насколько я помню, – потом вроде спохватился и уже примиряющим тоном добавил, – да мне и не надо, правду ведь все равно не скажешь.

– Барсом зови, – не стал устраивать я тайны Мадридского двора.

– Во как, у нас здесь такие не водятся, ни разу не встречал, – задумчиво произнес дед, вспоминая, может и было чего. – К нам – то надолго? А то генерала нашего спросил, молчит пока.

– На месяц, плюс-минус, – про себя же подумал не генерал он пока, а полковник. – Зверье какое водится? Смотрю лес хороший, не губленный.

– Кабаны, косули, лоси, олени, медведь встречается. Волки, но близко сюда не подходят, лисы да зайцы естественно. Следы рыси видели пару раз, большая редкость, для этих мест. А ты никак на охоту собрался?

– Да не, интересно просто.

– Я тебе так скажу – что помельче, случись придется, можешь бить не спрашивая. Лосей да косуль с оленями не тронь, мало их осталось, да и знать надо когда можно, когда нет. Кабанов можешь бить без разбора, хватает. С хищниками как повезет, разойдетесь миром – хорошо, ну а на нет и суда нет. Это тебе так, на всякий случай. Вроде человек ты не местный, да и акцент иногда пробивается, не пойму. Ты у них за старшего останешься?

– Вроде того.

– Я так и понял, девица да молодой, кому как не тебе.

Не прост дедок-то, вопросы задает, моментом просчитал всех, подкрался незаметно, ох как не прост. На будущее решил и я поинтересоваться:

– А ты, Борисович, вроде местный?

– Можно и так сказать, все хозяйство на мне, вольнонаемный, если угодно. Жена на кухне успевает, да по бабским делам, огород, постирать, погладить. На мне все остальное. Давно никого не было. Вот и разговорился. Так, наездами на день-два. А тут смотрю, завоз делают, думал толпа приедет, а вас трое всего, значит надолго. Так что, обращайся если что.

– А живете где?

– Дом на опушке, там и баня. Вечером увидишь, если в баню пожелуешь.

– Спасибо, Борисович, постараюсь прийти.

На том и распрощались, по запаху нашел столовую. В столовой все уже сидели за длинным столом, вокруг суетилась женщина лет пятидесяти, разливая суп по тарелкам.

– Приятного аппетита, – пожелал я всем, вместо извинений за опоздание, впрочем, выговаривать ни кто и не собирался.

Кто кивнул, кто поблагодарил, сел на свободное место. Обед удался на славу, настоящая домашняя пища, соленья и маринады, копченое мясо и рыба, салаты, кому что нравится, и выпечка. Видно было, что встречают как дорогих гостей, еще и со своих запасов добавляют, на складах такого точно не водится. Сомов слегка покраснел от удовольствия и сдерживался, чтобы не ликвидировать очередной кусок пирога с рыбой, надо же и другим вроде оставить. Алена ела с аппетитом, но аккуратно, от выпечки отказалась, фигуру, наверное, бережет, а может о Сомове заботу проявляет. Полковник оказался дипломатом. В перерывах между блюдами отпускал хозяйке комплименты, периодически поглядывал на каждого, как на несмышленных детей, поздно вернувшихся с прогулки и забывших вовремя поесть. Иногда передавал тарелки по кругу, которые в конце пути, копились перед Сомовым. Семейный обед, да и только.

В завершение обеда полковник поднялся, поблагодарил хозяйку еще раз и, уже обращаясь к нам, сказал:

– Через пятнадцать минут жду всех в кабинете, прямо, в конце коридора.

Через пятнадцать минут все были в сборе.

– Итак, добро пожаловать. Сразу предупреждаю, база не наша, в постоянной нет никакой необходимости, смежники бывают здесь не часто, слишком далеко, а нам рукой подать. Ближайшие три месяца заездов не планируется, но если будут, я узнаю об этом первым. По сему, все разговоры по теме только в этом помещении, которое полностью проверено и защищено, а лучше вообще избегать. Борисовича знаю давно, можно доверять, о чем-то он может догадываться, но в проекте не участвует. Вы здесь для того, что бы подтянуть хвосты, у вас четыре недели, не забывайте об этом. Старший в группе – Барс. Далее, перед каждым из Вас папка, внимательно изучить, там всё и на все случаи жизни на ближайший месяц. Мы живем в постоянной готовности. Если час «икс» наступит завтра, когда меня рядом не будет, вы должны

знать, куда бежать и за что хвататься. На изучение – час, записи не делать, координаты контрольных точек – наизусть...

Полковник говорил и говорил, инструктаж продолжался, обращался ко всем и по отдельности, каждую мелочь писал сразу на корку головного мозга. Таким я его еще не видел. Он был в своей стихии, жесткий, сосредоточенный. Я даже подумал, что нахожусь под гипнозом, проверился, нет, соображаю. Если раньше он старался нас взбодрить и поддержать, то сейчас слой за слоем снимал шелуху беззаботности, требуя включаться в работу. Я понял, что танцы с бубнами закончились. Дальше либо пан, либо пропал. В конце инструктажа он предоставил обещанный час и вышел. К концу изучения документов я знал практически все про базу, как будто своими ногами прошел. Система охраны и безопасности, расположение объектов, трасс, стрельбища и тира, порядок действий в различных обстоятельствах. Полковник не стал проверять, насколько хорошо мы изучили документы, просто убрал их в кейс, оставив это на нашей совести. На стол легла массивная стопка бумаг, разобрав на три части передал каждому.

– Перед Вами каталоги имеющегося вооружения, снаряжения и предметов экипировки. Не позже восьми утра завтрашнего дня вы должны выбрать и согласовать внутри группы перечень всего, что вам необходимо на период общей подготовки. Минимальный запас доставлен сегодня с утра, находится в оружейной комнате, список прилагается, доступ у старшего группы. Техника, на которой вы прибыли сюда – на стоянке, в вашем распоряжении. Если есть необходимость в чем-то, чего нет в каталоге, говорите сейчас, доставка будет единичная, второй не предвидится.

Глядя на загоревшиеся глаза Сомова, я понял, что обсуждение обещает быть жарким, а для меня лично выбор будет непростым. Когда полковник удалился, оставив нас наедине с желанием заказать все и сразу, принялись выбирать, то и дело сверяясь со списком уже имеющегося. Оказалось все гораздо проще, чем я думал. Практически все образцы стрелкового оружия, стоящие на вооружении, находились уже в оружейной комнате от ПММ до СПГ и АГС-30, правда, только в единичном экземпляре. Мне, чтобы освежить навыки обращения с отечественным оружием, вполне достаточно. Дальше – больше. В качестве личного оружия практически сразу выбрали GLOCK -18 с глушителем и магазинами разной вместимости. По тому, как согласился с этим Сомов, я думаю, обосновать непатриотичный выбор будет не сложно. От всяких прибулд в виде подсветок, коллиматоров, оптики обычной и ночной, тепловизионной, указателей для спутников и датчиков подачи сигнала SOS для пистолетов, по здравому разумению решили отказаться, но один комплект все-таки заказали, так на всякий случай, пусть будет. Алена при этом вела себя странно, практически не участвуя в обсуждении. Одно из двух, или для себя уже все решила, или полностью отдавала нам на откуп. В качестве индивидуального оружия, для себя любимой истребовала СК-16, отечественную снайперскую винтовку калибра 7,62мм и заявила, что давно уже ею пользуется. Как ни странно, ни Сомов, ни тем более я, про такую даже не слышали, однако в каталоге она была, поэтому было принято без возражений. Сомов немного подумал и со словами «кому то же надо будет Вас прикрывать», остановил свой выбор на «Печенеге», хотя дай ему возможность, выбрал бы «Корд», трудности его не пугали. В качестве основного оружия остановились на АЕК-973 с подствольным гранатометом и глушителем в комплекте, несмотря на его слабую износостойкость и внушительные размеры. Вот уже где не скупилась на различного рода девайсы и оптику, благо имеющиеся стандартные планки это позволяли. Привычнее было бы вооружиться Heckler, но будем привывать к тому, что имеем. В итоге остался только я без второго ствола и крепко задумался. ВССК «Выхлоп», калибра 12,7мм подходил по всем параметрам, но, если с немалым весом можно было еще как-то смириться, то ручное перезаряжание и магазин всего на пять патронов сильно смущали. Мощная снайперская винтовка с коротким стволом, что наверняка скажется на кучности, да и снайпер у нас уже есть. В итоге остановил свой выбор на ВСС «Винторез», калибра 9мм, но в список попали оба ствола. Подумал, что при необходимости заменю одним

из штатных образцов из оружейной. Сомов выбор одобрил, Алена скептически пожала плечами. Вспомнили про гранаты – оказались в наличии, разных типов.

Со снаряжением и экипировкой провозились еще два часа, в итоге список оказался почти полностью не патриотичным, что никого уже не смущало, будут аналоги – возьмем. Шлемы, бронежилеты, подвесные системы, тактические ремни, кобуры разных видов и креплений, рюкзаки разного размера, в глазах уже рябило от наименований и описаний. В магазине было проще, покрутил, примерил, оценил, не понравилось – заменил. Еще проще – бери что дают, но по такому принципу уже давно никто не работает. Как правило – увидел, пощупал, пошел искать. У Сомова, как оказалось, опыта в подборе снаряжения было не меньше, да и предпочтения у нас с ним совпадали. Прения возникали, но тут же сходили на нет.

Еще почти час обсуждали и выбирали снаряжение для многодневных переходов, двухместная палатка и спальники, коврики и котелки, термоса, не удержались и добавили туда же пару спиннингов и наборов для ловли рыбы, топорик, ножи. Когда дошли до холодного оружия, терпение Сомова лопнуло, он никак не хотел останавливать свой выбор на одном из вариантов. Помимо боевого ножа, настоял на комплекте метательных ножей из шести штук, внушительных размеров туристическом ноже, больше похожим на мачете полуметровой длины и только после этого вроде успокоился. Алена тоже внесла свой вклад, напомнив про медикаменты. Что-то уже имелось в медпункте, который она уже успела обследовать, остальное включили в список. Добавили по паре комплектов камуфляжей и комплекту горки на каждого, по две пары обуви, плащи, сапоги, накомарники и маскхалаты. На этом можно было заканчивать.

После перерыва Алена и Сомов оставили меня одного в кабинете, где я продолжал редактировать список, вспоминая и добавляя то, что могли упустить. Решил заявку отдать полковнику вечером, иначе не усну, да и мало ли, обсудить надо будет, с утра времени может и не оказаться. Полковник появился в кабинете сам, сел за стол.

– Как продвигаемся? – не забыл он поинтересоваться.

– Вроде закончили, – неуверенно сообщил я ему, протягивая листы, исписанные мелким почерком.

Полковник бегло просмотрел на плоды нашего многочасового творчества, вопросительно посмотрел на меня.

– Ничего не забыли?

– Вроде бы нет. Что-то не так?

Я ожидал указаний на не патриотичность выбора и готовился отстаивать свою позицию, но этого не последовало.

– Про средства защиты я должен беспокоиться, или командир группы? Может быть, Вас ОЗК и ГП устроит? – полковник негодовал. – Может быть, в отличие от меня вы знаете точную дату часа «икс», так поделитесь, я внимательно послушаю. То, что Вы забыли про себя, пусть останется на Вашей совести, но то, что не позаботились о группе, недопустимо.

– Но, Вы говорили про боевые ска... – я не успел договорить.

– А они у Вас есть? Может быть, есть в этом списке, или каталоге? Вы научились уже ими пользоваться? Не говоря уже о том, что изготавливаются индивидуально, а мерки еще не сняты. Мелочей не бывает, напомню, мы живем в угрожаемый период, это понятно?

– Я понял, исправим, – я злился на себя, за то что прокололся как новобранец, сам виноват, за это и получил.

– Очень на это надеюсь, – полковник своей рукой что-то дописывал в список. – Заявка принята, – продолжил уже более миролюбиво, буря миновала. – Я добавлю пару образцов стрелкового оружия Вам для ознакомления. У вас есть время до утра, чтобы дополнить заявку, потом я уеду. Завтра к вечеру ждите транспорт. Далее, с транспортом прибудет врач, проведет первичный осмотр и снимет необходимые показатели, не затягивайте, с этим же транспортом он должен будет вернуться обратно. В последующем те, кто участвует в проекте, будут прибы-

вать только в моем сопровождении, все остальные- посторонние. До ближайшего населенного пункта три сотни километров, подъездных путей нет, поэтому появление кого-либо в пределах базы уже не случайно, инструкции на этот счет Вами уже получены. Охрану базы осуществляете самостоятельно. При оставлении базы полным составом, привлекайте Аркадия Борисовича, это входит в круг его обязанностей. Периодически буду контролировать ход подготовки, в остальном ответственность лежит только на Вас.

На этом разговор закончился, до ужина время еще было, вышел покурить. Возле БТРа на стоянке возился Сомов. Направился к нему.

– Барс, ты не представляешь, здесь столько наворочено, – восхищенно начал Сомов. – С виду же обычный БТР, не тут-то было, донная броня усилена, лобовая и бортовая тоже, титан похоже, многослойный, даже легче стал, по моему, по дороге сюда еще почувствовал, что что-то не так. С дополнительными системами еще не разобрался, может Алена поможет. Двигок форсированный, но не серийный, подозреваю, что топлива ест в два раза меньше. Вооружение стандартное, но вот патроны и боезапас с сюрпризами. На вид сразу не отличишь, но то, что не обычные – это точно. Даже не представляю, во сколько встала такая доработка, но это не БТР, а луноход какой-то.

– Это хорошо, только вот нам завтра на стрельбище ехать, подумай, как груз разместить.

– Никаких проблем, сиденья в боевом отделении съемные, сделаю. Когда там ужин? – Сомов опять проголодался.

– Скоро, заканчивай тут, завтра доделаешь, да и дождь сейчас будет.

Правая лопатка первый раз за долгое время напомнила о себе, отзываясь тупой болью на непогоду. В жарком климате про нее даже не вспоминал.

– Хорошо, – Сомов пристально стал осматривать горизонт, ничего нового не заметив, полез в БТР.

Ужин прошел за разговорами о преимуществах здоровой пищи, при отсутствии женщин, они уже час, как ушли в баню. Едва успели закончить, появился Борисович, в мокром дождевике и сапогах, призывая всех желающих проследовать за ним в баню, потому как, уже освободилась. Мы разом подхватились из-за стола, полковник сказал подойдет позже. Собрали вещи из комнат, на выходе дед остановил нас с Сомовым, вручил каждому по дождевику, махнул рукой на дорожку в сторону леса.

– Прямо идите, не заблудитесь.

Метрах в ста от казармы, в глубине леса, на пятачке расчищенной земли, стоял добротный сруб с забором, огородом и теплицами. Совершенно незаметный издалека, даже света из окон видно не было. В ряду построек почти на берегу реки, особняком стояла баня, откуда тянуло свежим дымом и березовыми вениками. Баня была довольно просторной, бассейн не было, зато была тропинка, ведущая напрямиком к заводу реки, где возле самодельного причала была привязана лодка. Михаил оказался ценителем бани, из парной не выходил, не забывая поддавать парку и с удовольствием фыркал, прохаживаясь вениками. А вот мне с непривычки было тяжело, успел отвыкнуть, зато боль под лопаткой ушла. Подолгу сидел в комнате отдыха, потягивая морс и просто отдыхая. По опыту знал, что на смену вот таким минутам, обязательно придут будни с работой до кровавого пота. А работы было хоть отбавляй. Уже складывались планы на ближайшую неделю, только вот груз завтра встретить и ночную охрану базы организовать. По дороге из бани навстречу попался Борисович, остановил.

– Барс, ты на счет охраны ночью не беспокойся, я покараулю, не впервой, днем отосплюсь, а вы отдыхайте с дороги, да после бани. Своих тоже предупреди, чтобы лишний раз за ограду не совались, не все капканы да сигналки успел поснимать, не доверяю я датчикам.

– А звери не попадают?

– Попадают, но редко, пуганые уже, стороной обходят. Только утром, если все уезжать будете надолго, мою Татьяну предупреди, поест с собой соберет и меня найдет.

– Спасибо, Аркадий Борисович, обязательно предупредим.

Собрал своих в кабинете, пока полковник был в бане. Огласил планы на завтра, передал слова Борисовича, насчет сюрпризов. Разошлись по комнатам. Спал как младенец, но проснулся рано, еще темно, моросил дождь. Прогулялся до шлагбаума, отправил деда отдыхать, хотя тот и пытался сопротивляться. Сказал, что новый комплект камуфляжа оставит возле оружейной. У Сомова и Алены с собой было по комплекту, а вот я оказался не готов, не особо хотелось маячить и дальше в спортивном костюме, как и терять драгоценное время. Пару часов наблюдал, как наступает новый день, катастрофы сегодня не случилось. Закрыв дверь КПП, периметр отключать пока не стал. Рассчитывал сегодня пробежаться на природе, но погода внесла коррективы. Зашагал в спортзал. На крайней левой из трех беговых дорожек, в обтягивающих лосинах и топе, спиной ко мне была Алена с полотенцем на шее, мерно переставляла ноги в легком беге. Из зеркала напротив смотрел слегка насмешливый взгляд.

– Доброе утро, Константин, как самочувствие? – совсем без одышки поинтересовалась она.

Вот же далось ей мое самочувствие, что так плохо выгляжу, или вошла в роль нештатного санинструктора? Злясь уже больше на себя, чем на нее, ответил:

– Бодрое, – потом спохватившись, добавил, – доброе утро, – вышло опять нелепо.

Заняв крайнюю правую дорожку начал набирать темп. Разговаривать было невозможно, напряжение висело в воздухе. Впрочем, Алену, судя по всему, это нисколько не тяготило. На помощь пришел Сомов, вклинившись между нами, на среднюю дорожку. Буркнул что то, вроде «Привет всем» и взвинтил темп до скорости снаряда, дорожка немилосердно гудела под его ногами. Первой сошла с дистанции Алена, я наблюдал в зеркало за удаляющейся из зала фигурой. Сомов вскоре, вслед за ней, слегка разогревшись на беге, принялся за железо. Вот кого Бог силой не обидел. Я не был сторонником утренних силовых тренировок, тем не менее, наблюдая как изгибается гриф под запредельным весом, почувствовал укол зависти. Отмотав десять с небольшим километров, перешел к груше, приводя мышцы рук и ног в тонус, наносил серию ударов ногами и руками. После чего подошел к свободной левой дорожке, внезапно возникшую мысль стоит проверить. Вызвал из памяти последние показатели, десять километров ровно, время чуть хуже, чем у меня, надо же. Алена тоже придерживается планов, несмотря на непогоду. На консоли средней дорожки – почти три километра, но вот время, девять с половиной минут. Не знаю, как на длинные дистанции, но с короткими проблем нет. С чувством выполненного долга, пошел в душевую.

За завтраком все были в сборе. На этот раз Татьяне помогала Алена. Едва только сел за стул, взглянул в окно и вскочил как ужаленный. По мосту приближался БТР. Под недоуменные взгляды окружающих, со словами «Я сейчас», бросился к шлагбауму. Не знаю, может кто-то подумал, что я с детства боюсь БТР, или голыми руками решил его остановить, но я точно помнил, что не выключил систему охраны периметра и через минуту, другую всю округу всполошит рев сигнала тревоги, этого нам еще не хватало. Успел. На всякий случай дождался, когда он остановится на площадке, впрочем, двери и люки так и не открылись.

– Барьер был включен, – пояснил всем окружающим, усаживаясь за стол.

– Я так и понял, – отозвался полковник. Алена улыбалась только глазами. Сомов от шуток в присутствии полковника воздержался, только когда уже выходили после завтрака, сказал:

– Бегущий командир вызывает панику, не делай так больше, – и засиял в белоснежной ухмылке.

За завтраком полковник сообщил, что транспорт прибыл за ним, он нас покидает с наилучшими пожеланиями. Поскольку все указания были отданы, дополнения к заявке, коих оказалось не мало, озвучены и записаны, полковник через пять минут уже направлялся к стоянке. В провожатые, к нашему удивлению, напросилась Алена, полковник не возражал. Стоя на крыльце казармы, мы с Сомовым наблюдали, как после непродолжительного разговора, пол-

ковник залез в боевую машину, а Алена направилась в нашу сторону. Подняла голову, увидела нас, слегка смутилась и, не доходя до казармы, свернула на дорожку влево, избегая встречи. К чему бы это? Показалось.

Как бы то ни было, терять время я был не намерен. Имеющегося оружия и боеприпасов было в избытке, тем более дождь прекратился. Потренируемся пока из того что есть. Сомов воспринял команду на ура. Загнал БТР на территорию, ближе к казарме и принялся загружать ящики с боеприпасами и оружием, намереваясь полностью опустошить запасы. Мы с Аленой по мере возможности помогали, рискуя быть сбитыми с ног очередным безразмерным ящиком в руках Сомова.

Предупредил Татьяну, как просил того дед, на что она сунула мне в руки объемный сверток с выпечкой, еще теплый внутри. Проговорила, извиняясь:

– Пригодится.

Камуфляж пришелся в пору, но все равно сидел мешковато. От резиновых сапог и берцев я отказался, о чем уже жалел, потому что обут был в кроссовки. Разгрузки, пусть и не самые удобные, нашлись в оружейной. Алена и Сомов, в отличие от меня выглядели довольно браво, по поводу чего я совсем не комплексовал. Алена придирчиво меня оглядела, после чего направилась к казарме. Передумала ехать в такой компании? Но, впрочем, тут же вернулась с резиновыми сапогами моего размера.

– Переобувайся, – скорее приказала, чем попросила – тут Вам не Африка, – переходя на Вы, или во множественном числе, я так и не понял. Решил не спорить, взял сапоги, положил в БТР, успею переобуться.

Африка, не Африка, да что вы о ней можете знать? Даже вспоминать не хочу. А вспомнить было что. Мое молчание она истолковала по своему, добавила так, чтобы слышно было только мне.

– Соплей и простуд еще не хватало.

– Это точно, по коням, пора уже и делом заняться.

Два раза повторять не пришлось, через минуту уже все сидели по местам, БТР сорвался с места. До стрельбища, судя по карте, было пятнадцать километров, доехали быстро и с комфортом. У Сомова хорошо получалось, где надо разгонялся, иногда притормаживал, доехали с ветерком. Остановились у навеса на рубеже. Стали разгружаться. Не успели вооружиться, и выйти на рубеж открытия огня, чтобы осмотреться, как Сомов заволновался.

– Командир, шашлык, – шепотом, присаживаясь на одно колено и показывая рукой в сторону мишенного поля, произнес он.

Я тоже присел, присмотрелся, на удалении метров шестьсот, из леса на опушку вышел лось и замер осматриваясь, насторожился. Ветер на нас, вряд ли почуял, скорее услышал. Силуэт почти полностью спрятался в высокой траве за складками поля. Глазастый, заметишь не сразу, подумал про Сомова.

– Разреши я его обнулю? – Сомов смотрел на меня в ожидании.

И я повелся, напрочь позабыв о разговоре с Борисовичем. – Валяй.

Во-первых: расстояние, во-вторых: не такая простая задача попасть в крупный, но наполовину закрытый, силуэт из автомата, в-третьих: я не рассчитывал на то, что в следующий момент сделает Сомов. Думал, что спугнет и всем вроде хорошо. Сомов же в это время присел, выставил прицельную планку на открытом прицеле ПК, выцелил три патрона через один из ленты, зарядил в пулемет и передернул затвор. Когда я понял, что он собирается делать, было уже поздно. Держа на весу ПК, в положении сидя, он уже выцеливал лося, который стоял на том же месте. Выстрел, второго не понадобится. Лося не было видно. Может я моргнул в момент выстрела и поэтому не увидел, как лось упал или скрылся в лесу. Сомов тоже смотрел то на меня, то на поле.

– Не понял. Вроде попал.

– Развлекаетесь? – Алена подходила к нам и застала только концовку мизансцены, не понимая, что здесь происходит.

– Вроде того, дай-ка на минуточку, – я потянулся к ее винтовке, на которой был оптический прицел.

Сначала было отстранилась, потом скинула ремень винтовки с плеча и аккуратно передала мне из рук в руки. Осмотр в прицел результатов не дал, трава высокая, придется ехать. В глубину поля, вдоль леса, вела разбитая донельзя дорога, но БТР пройдет.

Оставив Алену охранять арсенал, отправились на БТРе по дороге вдоль леса, куда деваться. Объяснять ей ничего не стали, надежда была, что удалось уйти сохатому.

– Пегас, моли бога, чтобы ничего не нашли, иначе Борисович выпишет нам по первое число и аванс и зарплату, самих на шашлыки пустит, – практически кричал я из-за шума ветра и двигателя.

– Обычно не промахиваюсь, а причем тут Борисович?

– Предупреждал вчера, я не успел вам сказать.

Через шестьсот метров остановились, пошли осматриваться. И нашли практически одновременно. В густой высокой траве у дороги лежал лось, без признаков жизни, впрочем, следов попаданий тоже не было.

– Вот теперь точно Борисович заключает, – мрачно констатировал я.

– Двухлетка, самец, – тоном профессионала отозвался Сомов. – Да что ты заладил про Борисовича?

– Да расстроится дед, вчера разговаривали, говорит мало их осталось, кабанов – пожалуйста, а этих не тронь.

– Во как, я и не подумал, а мог бы догадаться, и не сезон ведь, хорошо, что не лосиха, во дела-то, – до Сомова начинало доходить. – Со своим дедом частенько на охоте был, правда, места там глухие, лицензии только приезжие покупали, насколько помню. А так мясо надо – пойди да добудь. Коров только на молоко и держали. Что делать то будем? Не оставлять же здесь?

– Конечно не оставим, лупить надо.

Сказано, сделано, поясными ножами за час – полтора управились. Сомов ловко орудовал ножом, я не отставал. Нашлось и входное от пули – в носогубной части, крови практически не было, выходного отверстия же вообще не было, пуля застряла в массе сала на горбу, зима обещает быть холодной.

– Хорошая смерть, не мучился, – изрек Сомов.

– Выстрел хороший, не спорю, а вот смерти хорошей не бывает, – больше для себя, сказал я.

Шкуру с ливером перенесли через дорогу, закопали. Остальное, разделанное крупными частями, погрузили в БТР, подстелили прорезиненные плащ-палатки. Вернулись. Алена без дела не сидела, тренировалась с винтовкой вхолостую. Похоже, в прицел она многое увидела, вопросов не задавала. Встала напротив нас, вид был боевой, я даже загляделся.

– Если это был канадский олень, можете сразу вещи собирать и уходить с базы в лес жить, только подальше, дед все равно найдет. Он их специально сюда завозил, разводит уже не первый год.

– Да лось это, сама посмотри, двухлетка, – запротестовал Сомов.

Она заглянула в отсек, уже более спокойно продолжила:

– Пегас, а зачем тебе такая гора мяса? Тебя здесь плохо кормят?

Ситуация накалялась.

– Да я же охотник, вот и сработал инстинкт...

– Какой ты охотник, охотник сначала думает, потом стреляет, ты...

Я решил не доводить до оскорблений и рукоприкладства, даже не знаю, в чью пользу закончилась бы схватка, поэтому поспешил вмешаться.

– Спокойно, моя вина, дал добро. Борисовичу скажем, что случайно вышло, действительно случайно.

Она хотела видно что-то сказать, но передумала, а я обрадовался, что она вспомнила про субординацию. Надоел если честно уже этот балаган. Однако она продолжила:

– Пегас, если ты такой охотник, может быть тогда пари?

Сомов насторожился. Похоже, помимо всего прочего ее задело, что кто-то претендует на роль снайпера, да еще способен с открытого прицела, тем боле из ПК на средней дистанции попасть точно в цель. Хотя я знал, что такое кроме как «баллистической случайностью» не назовешь. С интересом наблюдал за развитием событий, уже не вмешиваясь.

– Излагай, – Сомов заглотил наживку.

– Дистанция – четыреста метров, из СВД, с открытого прицела, раз тебе уж так он нравится, мишень круговая, десять патронов, три пристрелочных, устроит?

– Вполне, что на кону?

– Если проиграю, помогу решить проблему с Аркадием Борисовичем в лучшем виде, ну а если выиграю, сам подойдешь к нему и никого втягивать уже не будешь.

– Да я так и так подойду, куда деваться, но за помощь буду благодарен. Не хочу деда расстраивать.

– Раньше думать надо было, принимается?

– Принимается, если командир не против, – Сомов вспомнил про меня.

– Валяйте, – как было детям отказать, пусть потешатся.

Убили время на расстановку мишеней на разных дистанциях, подготовили позиции, как смогли, заросло все травой, видно, что давно не пользовались, проверили радиоуправляемые подъемники, почти все работают. Сомов дал салют из пулемета, длинной очередью, с рук, чтобы распугать всех животных, зрелище было еще то. Можно было начинать. Чтобы не терять время, решил пристрелять автомат, обычное весло.

У спорщиков прошла пристрелка на сто метров, сбегали, посмотрели, вроде ствол новый, кучность хорошая, каждый для себя сделал выводы. Приступили. Алена стреляла вдумчиво, размеренно, давая отдых стволу после каждого выстрела, но ненадолго, чтобы глаза не устали, чувствовалась хорошая школа и немалый опыт. Я откровенно любовался, не каждый день такое увидишь. Сомов отстрелялся, как из пулемета, с короткими промежутками между выстрелами, если не вносить поправок на разогрев ствола, а он к тому же стрелял вторым, результат будет плачевным. Тоже школа, но другая и сразу понятно кто из них снайпер. Сомов привез обе мишени и предъявил мне, как секунданту. На первой, все пули легли почти ровным кругом, одна к одной, девятки и десятки. На другой – почти ровным таким равнобедренным треугольником, расширяясь от десятки и вниз, до пятерки, с одним отрывом. Не трудно догадаться, кто победил. Алена с довольным видом объявила о своей победе, стрельба подействовала на нее успокаивающе.

Для себя же я сделал два основных вывода. Во-первых: эмоции не мешают Алене вести прицельную стрельбу и она действительно хороший снайпер. Во-вторых: в группе есть второй снайпер, пусть и менее подготовленный. Оба вывода меня порадовали. После пристрелки автоматов, устроили еще одни соревнования. Стрельбу на сто метров из различных положений. По полному магазину у каждого, по десять выстрелов из каждого положения. Тут пальму первенства вынуждены были уступить мне, чему оба удивились. Когда результат стрельбы на двести метров повторился, Сомов предложил поменяться стволами, я согласился. Но когда и на триста метров результаты оказались те же, я решил прекратить издевательства. Алена явно переживала, потому что регулярно занимала последнее место, сказывалось отсутствие навыков стрельбы из положений с колена и стоя из автомата. Проигрывать она точно не любила, даже

принимая внимание, что оба соперника далеко не новички. Она бы и мне пари предложила, но я поводов не давал, иначе проиграл бы вчистую, не сладилось как-то с СВД и все тут, не мое. Сомов не мог понять, как после такого перерыва, о котором он знал, мне удалось не растерять навыков, но вполне довольствовался вторым местом, ибо проигрывал командиру, то есть мне и отыгрался за пари. Незаметно трио складывалось, каждый занимал положенное ему место, а главное понимал это. Это и было основной целью.

Вдоволь настрелявшись из автоматов, покрывшихся слоем сизого нагара, решили сделать перерыв. В ход пошли уже остывшие пироги и кофе из термоса. Война – войной, обед по распорядку. Алена про фигуру не вспоминала, голод – не тетка. Перешли к групповому оружию. Сомов выступил в роли инструктора, и, надо сказать прекрасно с этим справлялся. Мне приходилось вспоминать навыки обращения с групповым оружием, то и дело допуская досадные ошибки. У Алены эти навыки отсутствовали как класс, только на уровне понятий, зато баллистические таблицы усваивались с первого, максимум второго раза. На этот раз тоже не обошлось без курьезов. При стрельбе из АГС-30, при постановке огневой завесы по определенному сектору, расстопорилась передняя лапа треноги, из-за чего разрывы гранат стали ложиться все ближе и ближе, пока последняя не взорвалась метрах в сорока от позиции. Не останови я вовремя стрельбу, дело могло закончиться плохо. Кроме того, при разрыве последней гранаты до меня с опозданием дошло, что они не инертные, которые используются для учебной стрельбы, а боевые. Инертных не оказалось. В результате пришлось идти в поле и восстанавливать поврежденные подъемники, один из которых восстановлению уже не подлежал.

Опробовали вооружение БТР в режиме экономии боеприпасов, поскольку возможности пополнения боекомплекта были пока не ясны. Сомов был категорически с этим не согласен, но пришлось подчиниться. Алена была в восторге, хотя старательно пыталась это скрыть. Корпус БМП, служивший мишенью, в полутора километрах, при попадании отзывался гулким эхом. Отчетливо видная траектория полета была практически без снижения, что заставляло задуматься об эффективности оружия. Очевидно, Сомов был прав насчет нестандартных боеприпасов. В общем и целом порезвились на славу и с пользой. Погрузка и обратная дорога заняла мало времени.

Когда уже разгружались, как из-под земли, неожиданно возникла фигура Борисовича.

– Устроили канонаду, весь лес переполошили, – без упрека начал он. Потом случайно заглянул мне за плечо и увидел то, что мы решили до поры ему не показывать. На полу боевой машины грудой лежало свежее мясо, капли крови уже где-то попали на бетон. Алены и Сомова рядом не было, я никак не успел бы среагировать, закрыть обзор или двери отсека.

– Аркадий Борисович, тут такое дело... – начал было я, но дед слушать не стал, просто развернулся, не глядя на выходящих из казармы Алenu и Сомова, и пошел прочь.

– Никак за карабином пошел, держись теперь, – произнес Сомов и тут же заработал удар в бок от Алены, которого даже не заметил. Вот и до рукоприкладства дошло.

Настроение резко упало. Мясо пристроили на склад в холодильник, Татьяна приняла. Было видно, что и у нее настроение испортилось, впрочем, на качестве обеда это не отразилось. Алена ушла к ней на кухню и о чем-то долго там с ней разговаривала, потом, как ни в чем не бывало, вернулась за стол.

Транспорт с медиками, их оказалось двое, пришел раньше, почти сразу после обеда. Из чего я сделал вывод, что объект находится где-то рядом, а полковник благополучно прибыл на место. С медиками была женщина лет пятидесяти, довольно эффектная, с хорошо поставленным голосом и располагающей внешностью, мне даже показалось, что мы уже где-то встречались. По тому, как к ней обращались, я понял, что в проекте она не последний человек, а значит, полковник не лукавил, говоря об участии женщин в проекте. Впрочем, она не представлялась, да и времени вникать, у меня не было. Снова разгружали машину, пытаюсь разместить в оружейной комнате вновь обретенное богатство. В результате часть снаряжения сва-

лили в кучу в спортзале, разбирать и сверяться со списком было некогда. Медосмотр прошел быстро, по полчаса на каждого, не более. Видно было, что медики тоже торопятся, но при этом, ни на шаг не отступают от предписанного регламента. Алена, пользуясь случаем, попросила коллег проверить мясо лося на наличие болезней, иначе грозила нам просто захоронить его. Время до ужина пролетело незаметно. Гости от ужина отказались и поспешили в обратный путь, рассчитывая видимо успеть вернуться до темноты.

За ужином разговор не клеился, даже Сомов притих, сосредоточенно поглощая пищу. Лось, будь он не ладен. Аркадия Борисовича нигде не было видно. За суетой сначала не обратили внимания, потом стало очевидно, что кого-то не хватает. После окончания ужина, больше похожего на поминки, у Алены терпение закончилось. Она решительно встала из-за стола, сходила на кухню, о чем-то пошептала с Татьяной. Подойдя ко мне, позвала за собой в медпункт. Теряясь в догадках, последовал за ней, Сомов было дернулся за нами, но Алена его остановила. В медпункте вручила мне сосуд с прозрачной жидкостью, открыл, понюхал, спирт. Стал догадываться.

– Борисович в бане, недавно из леса вернулся, остыл уже вроде, да и Татьяна успела с ним поговорить, иди пообщайся, – заговорщицки сообщила мне.

Возражать не стал. Не тот случай. Пить совсем не хотелось, но надо так надо. Мои люди – мне и отвечать, да и с себя вины не снимал.

Постучал в дверь бани, ни кто не ответил. Взялся за ручку – открыто. В комнате отдыха горел свет, за столом сидел Аркадий Борисович, ужинал. Баня до конца еще не остыла после вчерашнего, витал березовый дух. Посмотрел на меня без эмоций. Начал не гостеприимно.

– Послушай, Барс или как там тебя, шел бы ты подобра – поздорову, мне твоих извинений не нужно, сохатому тем более.

– Как скажешь, – я его понимал. Поставил бутылку со спиртом на стол, не уносить же с собой, развернулся на выход.

– погоди, – остановил меня голос Борисовича уже на выходе, – зачем приходил?

– Да так, за жизнь поговорить, ну и извиниться, за себя, да за своих.

– Заходи, коли пришел... и присаживайся, погорячился я, – без эмоций произнес дед. – А спирт в медпункт верни, пригодится еще. Без того есть чем гостя встретить.

Встал из-за стола, извлек из холодильника запотевшую бутылку водки, поставил на стол.

Добавил тарелку для меня, указал широким жестом на стол. Когда выпили по первой, я решил не откладывать в долгий ящик, не за тем пришел.

– В общем, Аркадий Борисович, извини, лося мы случайно завалили, не хотели, так получилось. Рассчитывали пугнуть, вышло иначе.

Видно было, что это для него не новость, но начинать с чего-то надо было. Дед помолчал, потом заговорил.

– Я это и так знаю. Ты мне лучше другое скажи, у нас же с тобой разговор был? Молодого почему не предупредил? Пегаса своего.

Я кивнул, соглашаясь

– Разговор был, предупредить не успел, да и сам когда надо не вспомнил.

Дед кивнул, разлил по второй, и после этого заговорил уже сам.

– С лосем понятно, хотел за жизнь, так слушай. Я Вас, молодых все понять не могу. Не вы первые. Другие, бывало, привезут тушку, а то и две, да еще и бахвалятся, как будто подвиг совершили, смотреть противно. Потому верю, что не хотели, сижу тут и с тобой разговариваю. Я понимаю, конечно, что сам черт вам не брат. Сначала стреляй, потом думай, иначе сам с костлявой поздороваешься. Только вот это на войне, а здесь не война. Вот и не сходятся концы с концами. Откуда желание такое нездоровое, стрелять во все что движется? Не отвечай, – остановил он меня жестом и продолжил. – Я так понимаю, от недостатка опыта это, жизненного опыта, не боевого. Вот ты наверняка много кого на тот свет спровадил, мне не расскажешь,

да и самому себе тоже. Но себя не обманешь, даже не старайся. Сам я таким же был, только задумываться позже стал. Вот и выбрал себе место подальше от людей. Пытаюсь прореху в природе восстановить, животным помогая множиться, считай, что вину свою искупаю. Причем души у тех животных, даже у хищников, почище многих человеческих будут. Не убивают они без причины, в отличие от людей. Посмотришь на таких, ничто их в этой жизни не держит, семью не создали, детей не родили, смерть только одна вокруг них и горе. Ты другой, я это вижу, и не я один, кстати, вижу, потому и должен ты вовремя молодым мозги на место ставить, да по сторонам почаще смотреть.

Если до этого я с дедом был согласен, сейчас он начинал говорить загадками, я насторожился, теряя нить рассуждений. Между тем он продолжал.

– Думаешь, никто не видит, какими глазами на тебя генеральская дочка смотрит? Ты или, извини, дурак или ослеп. Я-то ее не один год знаю, с пеленок можно сказать, такой еще не видел. Даже Пегас твой и то в сторону отошел, хотя богатырь еще тот, хоть и беззаботен по молодости.

Черт, напился я что ли, или деда понесло, о чем это он вообще?

– Борисович, поясни, ничего не пойму.

– Чего тебе пояснить? – как-то по-новому поглядел на меня. – Точно, дурак. Стреляешь, говорят хорошо, значит не слепой. Про Алену я, дочку генерала нашего.

Земля уходила из-под ног, хорошо что сижу, протрезвел моментально. Правильно Алена Витальевна, ясно же, как дважды два, а то, что фамилия... так бывает.

– Почему генерала? Он же полковник, удостоверение и паспорт показывал, – единственный вопрос который смог задать, в голове была каша.

– Не знаю, что он тебе там показывал, только я его последний раз в форме генерал-лейтенанта видел, года три назад. Не о том я, если за ум не возьмешься, не видать тебе Омеги как своих ушей, семейных-то не берут теперь.

Это был шок. Когда все эти сюрпризы закончатся?

– Покурить мне надо, выйду на минутку, – не своим голосом сказал и встал из-за стола.

– Сходи, покури, сам курил когда-то, понимаю, – уже вдогонку сказал дед.

Холодный вечерний воздух и сигарета освежили голову, память послушно стала выдавать слова полковника, точнее генерала и факты, много фактов.

«За все время существования группы лишь один человек пожелал оставить проект, в связи с изменением семейного положения...» – это значит про Аркадия Борисовича, иначе откуда ему знать о проекте?

«Борисовича знаю давно, можно доверять, но в проекте не участвует» – это не значит, что не участвовал.

Внучка Цветкова Михаила Дмитриевича, помню, что замялся. «Готовили для исследовательского отдела проекта, но вышло по-другому». А добавить хотел, что Алена его дочь, но решил не заострять, рано или поздно сам узнал бы. И ещё:

«Здесь случай особый, есть все шансы, что ее родственники в первые часы катаклизма не погибнут, поскольку являются участниками проекта». А мать Алены, получается жена генерала и тоже в проекте.

В калейдоскопе событий последних дней, вполне очевидные факты затерялись, хотя и подсознательно не давали покоя. Зато сейчас все становилось на свои места. В том числе и поведение генерала во время перелета, и проводы генерала Аленой и многое другое.

Не ясно только одно, точнее ясно, действительно ли правда, что Алена относится ко мне как-то особенно. Про себя могу сказать точно, про нее нет. На память стали приходить события вчерашнего и сегодняшнего дня, недомолвки и взгляды украдкой, я бы сказал повышенное внимание и только. Если бы я знал Алену раньше, мог бы делать выводы, пока рано, поэтому поверю деду на слово. Перекур затянулся, пора возвращаться.

– Я думал, что сбежал, – пошутил Борисович и сам улыбнулся. Налил в очередной раз. Мне было не до шуток. Пока он не выдал еще что-нибудь, после чего придется идти в реку освежаться, я спросил:

– Ты был в «Омеге», я правильно понял?

– Верно. Был. Да весь вышел. Семенович старше меня на год, хотя это как посмотреть. Я опытнее, пожалуй, буду. Вот и советуется со мной иногда, по старой памяти. В этот раз же особо просил приглядеть, уж больно ему ваше знакомство на взлетной полосе не понравилось. Переживает, что без двух бойцов останется да командира в придачу. Вижу теперь, что он не ошибся. Говорю тебе, чтоб ты знал, если так выйдет, Алена без промедления оставит проект, даже не сомневайся. Много я видел, как она ухажеров отшивает, потому и сидит в девках. Сейчас дело другое, хотя ты и сам пока не понимаешь, телок да и только. Что до тебя, решай сам, что важнее, но выбор всегда есть, я тому пример.

– Не то время сейчас, чтобы выбирать, но за совет спасибо.

– Не благодари, знай, генерал наперед, что так может выйти, постарался бы найти тебе или ей замену, но как я понял, выбора то и нет. А времена всегда одни. Вот мне тоже говорили, помолодеешь на год, только я тебе так скажу, до сих пор себя молодым чувствую и помирать не собираюсь.

С Борисовичем еще долго сидели, он делился мудростью, я внимательно слушал и думал. Думал о многом, но в первую очередь о том, что он мне сказал в начале разговора. Когда было уже за полночь, я засобирался.

– Барс, просьба у меня к тебе будет. Ко мне на днях внук приезжает, семнадцать лет, оболтус. Я тебя попрошу, держите оружие под замком, уж больно шустрый, не углядеть. Сколько раз запрещали крутиться под ногами, один год вообще отказался принимать на лето, бесполезно. Как медом намазано. Мешать будет – гоните, пусть от этих дел подальше держится.

– Хорошо, постараюсь. Может встретить помочь?

– Не надо, у меня свой вездеход в гараже стоит. И еще. Пегаса мне на день откомандируешь? Как возможность будет. Заготовками для кормушек на зиму займется, пусть искупает.

– Хорошо вместе поможем, сообщу, когда надо будет.

На том и договорились. Проходя мимо шлагбаума, вспомнил про охрану, никак не привыкнуть. На встречу вышла Алена во всеоружии.

– Как все прошло? – поинтересовалась невинно.

Не сразу сообразил, о чем это она, но вовремя спохватился.

– Все хорошо, не беспокойся. Простил на первый раз. Во сколько сменить?

– Мы с Сомовым ночь пополам поделили, справимся.

Хорошо что так, потому что уснул только под утро. Проснулся поздно, можно сказать проспал. Вместо зарядки, поплелся в душ, голова раскалывалась, пол килограмма на душу, пожалуй, многовато, да еще без привычки. С этого дня сухой закон, лосей и других зверушек не бьем, за нарушение – расстрел. За такими мыслями не сразу сообразил, что душ занят. Сам я стою и бесовестно разглядываю Алену, которая едва успела прикрыться полотенцем.

– Пялиться долго будешь? – нашлась она с вопросом.

– Закрывать не пробовала? – я ответил ей в тон. И деланно равнодушно вышел из душевой. Дождался пока выйдет, уже успокоился.

– Извини, я не специально, – решил, что стоит извиниться.

– Что, голова болит? – поинтересовалась сестра милосердия.

– Ерунда, пройдет сейчас, – и направился в душ.

Когда проходил обратно, дверь медпункта открылась, на пороге стояла Алена.

– Зайди на минуту.

Опять приказывает, что ты будешь делать. Пришлось согласиться.

Усадила на кушетку, вручила стакан с прозрачной пузырящейся жидкостью.

– Пей, полегчает. За общее дело пострадал, – с сочувствием продолжила. – Как дошел, помнишь?

– Конечно, помню, вроде, – выпил лекарство, в голове стало проясняться.

– Борисовича тоже не видно, Татьяна лечить пошла. До чего договорились? Вчера так толком и не сказал. Не верю я во всепрощение с его стороны – она улыбнулась.

– Отрабатывать будем, о зверушках заботиться, в другой раз грозит локальный конфликт нам устроить.

Алена повеселела. Заглянула мне в глаза, увидев одной ей известные приметы, спросила:

– Полегчало?

Действительно стало легче, но сознаваться в этом не хотелось, как и уходить.

– Да, спасибо, – подумал, что если не признаюсь, еще чем-нибудь пичкать начнет, хотя я был и не против. Пришлось уходить.

Уж не знаю, что больше помогло, но уже через час, после плотного обеда, за которым обсудили предстоящие планы, я стоял над горой снаряжения в спортзале. Сомов возился рядом, осматривая и подгоняя предметы экипировки. Его довольная физиономия то и дело появлялась в зеркале. Я его понимал. Подогнав свои комплекты, стали помогать Алене, попутно давая ей необходимые пояснения. Когда закончили, получилось, что почти одновременно повернулись к зеркальной стене и застыли, рассматривая друг друга, как будто в первый раз увидели. В отражении зеркала стояла тройца, весьма угрожающего вида, а ведь у нас кроме ножей, даже оружия при себе не было. Мне это понравилось, остальным, думаю, тоже.

– Командир, не знаю как ты, я без оружия все равно чувствую себя голым, – нарушил молчание Сомов. В присутствии Алены он всегда старался подчеркнуть мой командирский статус. Алена почему-то едва заметно смутилась.

Не сговариваясь, пошли вооружаться. Решено было брать с собой только автоматы для пристрелки. Выдвигаться на стрельбище и обратно планировали марш-броском. При себе только носимый запас и средства защиты. Основную часть знакомства с новым оружием перенесли на завтра, потому что в этом случае, без транспорта уже не обойтись. Под одобрительный взгляд Борисовича, бегом направились в сторону стрельбища. В этот раз ничего примечательного не случилось, за исключением того, что Алена удивила нас своей выносливостью. Мало того, что ей не пришлось помогать, по-моему, она готова была еще столько же пробежать. Искушений в виде крупной и мелкой дичи не было, вчера распугали. Под вечер вернулись на базу. Из увиденного сегодня, меня все устраивало от оружия и экипировки до уровня подготовки моей группы. А еще была усталость и спокойствие от того, что все идет как надо.

С этого дня распорядок изменился с учетом ночных караулов, ничего с этим не поделаешь, взвода охраны и обеспечения в нашем распоряжении не было, не считая Борисовича. Ночь делили на двоих, третий отдыхал. Поэтому отсыпались до двенадцати, зарядка, обед, занятия, ужин. Завтракали кому как удобно, иногда в комнате. Борисовича к караулам старались не привлекать, у того и так забот было по горло, в связи с нашими постоянными разъездами. А вот отрабатывать лося пришлось, хватило одного дня. Пару раз, когда Алена не участвовала в караулах, начинали занятия пораньше. Привыкшие к недосыпу, мы с Сомовым пытались отстранить Алену от караулов, но встретили решительный отказ. Не желая идти на конфликт, пришлось уступить. На стрельбище теперь выдвигались только бегом. Кто-то один из нас, поочередно, на БТР, остальные следом. Попутно осваивали управление транспортом. Сомов было заупрямился, не желая передавать управление Алене, но быстро сдался в ответ на обещание с ее стороны отправить его вместо самолета пешком до самого Питера. Обрато уже возвращались на БТР, с остановками на разведку местности, отрабатывали действия в составе тройки. Новое оружие пристреляли, оказалось, что четыреста метров для Алены не предел. Из новой винтовки, которая была немного легче и короче СВД, Алена уверенно поражала мишени на дальности до километра. Нам пострелять из нее почти не пришлось, только на пристрелке.

«Выхлоп» переключал к Сомову вместо автомата, который он оставил в резерве. Меня хоть и поразил он своей мощью, все равно не прижился. Сомов был уже с ним знаком и, взяв однажды в руки, не пожелал с ним расставаться. Каждый день я отмечал для себя сильные и слабые стороны бойцов, не забывая и про себя. Исходя из этого, составлял планы на следующий день. Ежедневно, в заранее согласованное время, звонил на коммуникатор полковник, про себя и в разговорах я так продолжал его называть, не желая показывать свою осведомленность. Интересовался ходом подготовки, иногда давал советы. Подготовка вошла в свой обычный режим. Алена, судя по всему, знала мою биографию в подробностях, видимо от Сомова или из других источников, при этом не догадывалась, что я в курсе, кто ее родители. Я же, в свою очередь, старался не обнаруживать своего к ней интереса. Получалось плохо. Сомов пару раз пытался пошутить по этому поводу в отсутствие Алены, но понимания с моей стороны не нашел. Сделал выводы. К концу третьей недели подготовки стала накапливаться усталость, решили сделать выходной, приурочив его к банному дню.

Накануне всеобщего выходного я сидел и подводил итоги общего курса подготовки.

С огневой и физической подготовкой было все предельно ясно. Группа в целом была готова. Новые образцы изучены, пристреляны и опробованы, освоено групповое оружие, про пистолеты даже речи нет, все свободное время проводили в подземном тире, недалеко от базы. Там же выявилась и неприятная ситуация с рикошетами при отработке зачистки помещений. В результате сменили оружие, на предусмотрительно добавленное полковником к нашему перечню, меня же вполне устроил «Винторез», менять не стал. Немного поспорили с Сомовым относительно тактики действий, в результате он меня убедил. После этого пошло как по рельсам.

С рукопашным боем было куда сложнее. В один из первых дней пытались поработать в паре с Сомовым. Начиналось вполне терпимо. Преимущество в технике и скорости было на моей стороне, но преимущество в весовой категории и силе – на стороне Сомова. Поскольку мне не улыбалось попасть под удар с такой кинетикой, я старательно уходил и разрывал дистанцию, Сомов соответственно пытался дистанцию сократить и нанести решающий удар. Все его атаки проваливались в пустоту. Я ждал, когда он выдохнется и дождется. Когда он меня уже практически зажал в угол, у меня не оставалось выбора кроме как начать уходить «маятником», заставляя противника менять направление атаки раз за разом, теряя координацию. При этом несколько моих ударов достигли цели, но ощутимого перевеса не принесли. Вот тогда Сомов и потерял контроль. Неизвестно чем бы закончилось побоище, если бы Алена вовремя не остановила, просто выплеснув полведра воды на нас, потому как на ее окрики мы уже не реагировали. Подозреваю, что не случись этого, работы у нее, как у сестры милосердия, точно прибавилось бы. И каждый из нас был по-своему прав, но факт остается фактом. Мокрые, заведенные до предела, с одышкой и бледными лицами мы стояли и смотрели друг на друга, пытаясь понять, что здесь вообще происходит. Опытные тренеры остановили бы это в самом начале, но поблизости такого не оказалось. Итог подвела опять же Алена:

– Идиоты, убить друг друга решили? – видимо посчитав, что свою часть работы сделала, поспешила выйти из зала.

– Командир, извини, – первым начал приходить в себя Сомов. Я как то, это... В общем, зла не держи.

– Не стоит, учишь себя контролировать, – решил и я вспомнить, кто здесь главный, сам тоже хорош.

Пожали руки в знак примирения, хотя и не ссорились, принято так, и пошли переодеваться. Принимая это во внимание, решили от спаррингов отказаться, у Алены даже мысли такой не возникало. Поэтому сосредоточились на работе со снарядами и приемах обезоруживания противника, по принципу обмена опытом. Алену на таких занятиях я старался к Сомову не подпускать ни под каким предлогом, да она и сама старалась держаться от него подальше.

С освоением техники тоже было вполне прилично, свою положительную роль сыграли поездки на полигон. Навыки по парашютно-десантной подготовке были у всех, возможности потренироваться не было. Когда поднял этот вопрос в очередном разговоре с полковником, он обещал над этим подумать. В общем, оставался только пикник, или полевой трехдневный выход.

Погода была сухая, и новость об этом была воспринята с энтузиазмом. На подготовку ушла половина выходного дня, в ходе которой выявилось отсутствие многих необходимых предметов. Впрочем, Борисович этот недостаток быстро устранил, приняв активное участие в подготовке. Вторую половину дня просто отдыхали, вечером даже удалось ненадолго сходить на рыбалку. Рыбы было много, тут и там она плескалась на поверхности и в зарослях камыша, однако у меня клева не было, сказывалось отсутствие опыта. Алена и Сомов от участия в рыбалке отказались, и к лучшему, хотелось побыть одному. Добыв пару окуней, приличного размера, решил, что этого вполне достаточно. На пирсе меня встречал Борисович, делая вид, что оказался здесь случайно. Взглянув на улов, сказал.

– Надо было тебе Илью с собой дать, он бы места показал.

Илья, внук Борисовича, появился в доме недели две назад, на самой базе не показывался, видимо дед запретил. Иногда наблюдал за нами издали, приветствуя взмахом руки, мы отвечали тем же. Дед, с его приездом стал реже появляться на базе, чаще проводить время в лесу и дома, в обществе внука.

Когда после бани сидели с Борисовичем на свежем воздухе, я спросил его:

– У тебя вездеход на ходу?

– Всегда, без этого никак.

– Нас завтра подбросить надо будет, это возможно? – хотелось уйти подальше от базы, возвращаться всегда приятней, чем ходить по кругу.

– Давай обсудим, место на карте покажешь, там и решим. Только встречная просьба тоже будет.

Я вопросительно посмотрел на деда, с просьбами он никогда еще не обращался, больше мы к нему.

– Илью с собой возьмете? В качестве проводника.

Вот оно что, вспомнил свои рассуждения насчет участия в группе Алены, которые уже были давно забыты, как и сомнения. Решил дослушать деда до конца.

– Обузой не будет, места знает, да и пойдет налегке. Он к этому с детства приучен, иногда кажется, что лучше меня ориентируется, не пожалеете. Опять же лагерь оставлять будете, кому то охранять нужно? Он меня уже который год уговаривает, только я к базе привязан, больше чем на день оставить не могу. А с Семеновичем я вопрос утрясу.

– Не боишься с нами его отправлять?

– Боюсь не удержать, следом пойдет. Да и самостоятельный уже стал, школу закончил, в училище собрался поступать, так как-то.

– Хорошо, думаю, группа против не будет.

– Вот и ладно, значит договорились, – уже с облегчением проговорил дед. – Ночная охрана на мне, отдыхайте, маршрут утром обсудим.

По приходу, сообщил своим, что на одного участника стало больше, передав разговор с дедом, ожидаемых возражений не последовало, по-моему, даже обрадовались.

Утром встали рано, настроение боевое, дед подогнал к шлагбауму свой вездеход на гусеничном ходу, неопознанной марки, типа МТЛБ, но размерами куда меньше. Сомов тут же засыпал деда вопросами о боевых свойствах этого чуда техники, удивляясь отсутствию брони и бортового вооружения. Рядом с вездеходом находился Илья, парень семнадцати лет не богатырского, но крепкого телосложения в добротном камуфляже и сапогах, чернявый с серьезным не по возрасту видом. На плече мелкашка с оптикой, которую привычным движением иногда

поправлял. Мы решили брать собой только бесшумное оружие, к счастью на СК-16 глушитель тоже присутствовал, иначе Алена ни за что не захотела бы с ней расстаться. Пока мы с дедом уточняли маршрут доставки и точку высадки, шла активная погрузка, Илья помогал. Судя по всему, они с Сомовым и Аленой уже познакомились, иногда переговаривались. Когда с приготовлениями было покончено, дед позвонил Илью.

– Илья, это Барс, – указал он на меня, – твой командир на все время до возвращения. Слушать его во всем и не перечить. Остальное я тебе уже дома сказал. Все ясно?

– Я понял, не подведу, – рассудительно заявил парень.

Я протянул ему руку, поздоровались, закрепляя знакомство.

– Тогда к машине, раз понял, – скомандовал я, вступая в законные права.

Когда парень уже скрылся в машине, дед проговорил:

– Спуску не давай, если будут какие-то проблемы, выводи к дороге и вызывай меня, буду без промедления.

– Борисович, ты нас как на войну провожаешь.

– Ладно, тогда поехали.

Дорога, занявшая почти три часа, должна была растянуться на три дневных перехода с двумя ночевками и стрельбой на полигоне на обратном пути. Маршрут и места стоянок разработаны накануне, неожиданностей быть не должно.

По большому счету их и не было. Сразу после прибытия и разгрузки отправились с Аленой на ближайшую сопку осмотреться. Во все стороны под нами просматривался только лес с блестящей на солнце лентой реки, плавно изгибающейся между холмов. Скальных выступов было немного, подходы к реке были, присутствия людей и следов цивилизации не наблюдалось. Внимательно изучив в бинокль направление предполагаемого маршрута, я вносил необходимые пометки на карту. Примерно через час после высадки начали движение. Илье местность оказалась знакома, поэтому шел впереди на небольшом удалении. Сомов замыкал группу. После пары часов пути под ногами стал попадаться валежник и сухие ветки, хвойный лес заканчивался. Обратил внимание, что создаем с Аленой много шума во время движения, при этом Илья и Сомов двигались почти бесшумно. Скомандовал привал.

– Командир, так не пойдет, – тут же заявил Сомов. – Нас за километр слышно. Ты когда последний раз по лесу ходил?

– Давненько, если честно.

Алена тоже виновато молчала.

– Оно и видно. Значит слушайте...

Последовало долгое объяснение, как нужно двигаться, как ставить ногу, что следует делать и чего избегать с демонстрацией на небольшом пятчке леса, где мы остановились. Часть из этого была хорошо известна мне, думаю, что и Алене, но навыки были утрачены. Если налегке, во время тренировок, еще и получалось двигаться бесшумно, то сейчас было гораздо сложнее.

– Еще лучше, смотрите, как делает Илья, у него хорошо получается и ступайте ему в след, – закончил Сомов. При этих словах Илья, который находился на небольшом удалении и видимо слышал разговор, приосанился.

Продолжили движение. По мере того как подлесок становился гуще и стали чаще попадаться буреломы, Сомов возглавил движение, я немного отставал, тренируясь бесшумной ходьбе. Алена шла вслед Илье и старательно копировала его движения, со стороны выглядело слегка комично. Внезапно Илья остановился и присел на колени. Мы последовали его примеру. Сомов, увлеченный подрубанием веток, вот когда пригодился его мачете, заметил остановку не сразу. Оглянувшись, тоже остановился.

– Медведь рядом, – сказал Илья, указывая на свежий след, когда мы собрались поближе.

Сомов разглядел следы и согласился, сетуя на то, что сам их не заметил. Слишком увлекся прорубанием тропы. Решили обойти место, но не удачно, уже через несколько сотен метров Сомов остановился и вскинул «Выхлоп», вскоре и мы разглядели пятно шевелящейся шерсти в зарослях маличника. Хватило бы и одного выстрела, но Сомов, памятуя про лося, медлил. Медведь тоже нас заметил, но нападать не собирался, как и освободить нам путь. Илья побледнел, сжимая в руке мелкашку, но вскинуть даже не пытался. Понимал, что таким оружием зверя не возьмешь. Так же, с оружием наизготовку, Сомов медленно начал отступать, по своим следам, готовый выстрелить в любой момент. Пятиться пришлось долго, лишь когда угроза миновала, мы скорым шагом вернулись по своим следам к месту недавней остановки. Теперь пошли в другую сторону, по широкой дуге огибая хозяина леса, решившего полакомиться малиной. На очередном коротком привале, подозвал Илью, похвалил за наблюдательность, сказал, чтобы находился рядом с Аленой и охранял её. Парень был на седьмом небе от счастья, упорно пытаюсь скрыть это. После полудня сделали полноценный привал, дневной лагерь разбивать и разводить костер не стали, наскоро пообедали запасами, прихваченными с базы, перевели дух. Сомов с Ильей о чем-то разговаривали, после чего Сомов подошел ко мне.

– Командир, предложение тут поступило, надо маршрут немного изменить.

– Давай обсудим, какая причина?

– Да все та же, медведь, недалеко мы отошли, километров пять – семь, не больше. Как бы к вечеру проблем не нажить, это он сейчас нас не тронул, потому либо засаду на него сделать, либо оторваться надо окончательно.

В словах Сомова был резон, да и с Ильей он не зря советовался.

– Какие предложения?

– Илья говорит, что недалеко ручей есть, глянь по карте, перейдем через него, углубимся в лес вот до этой сопки, – Сомов водил пальцем по карте, – пойдем вдоль ручья, как можно дальше, потом через ручей вернемся на старый маршрут.

На том и остановились. Широкий ручей, оказался не глубоким, но холодным. Ноги безнадежно промокли. Углубились в лес, вышли на пологий склон. Отсюда виден был и сам ручей и его противоположный берег. Пришлось делать незапланированный привал, немного подсушить вещи и обувь. Время уходило. Сомов выбрал место наблюдения и не сводил глаз с противоположного берега ручья. Как оказалось не зря. Из леса, на каменистый берег ручья вышел косолапый, прохаживаясь по берегу вперед и назад, недовольно мотая головой.

– Командир, давай так, если на этот берег сунется, я его сниму в два счета, я и сейчас могу, – шепотом произнес Сомов, разглядывая зверя в прицел.

– Пока не надо, – мне не хотелось его убивать, хотя он и ломал все планы.

– Тогда собирайтесь, и уходите, я пока понаблюдаю и вас догоню.

Собрались по-скорому, стараясь не шуметь, пошли вдоль ручья. Теперь Илья шел впереди, прокладывая маршрут, а я замыкал группу, периодически оглядываясь назад, ожидая, когда Сомов нас догонит. И он догнал, километров через семь, только увидел его Илья, идущий впереди. Сомов сидел на коряге и демонстративно потирал руки. Алена подхватила:

– Пегас, ты как тут оказался?

Сомов улыбался с видом фокусника.

– Ножками, ножками, топ-топ, топ-топ...

Посмотрев на меня, понял, что таким докладом не отделается.

– Посидел с полчаса, косолапый весь тот берег прошерстил и ушел восвояси, ну а я на всякий случай, пару петель заложил и сюда, сюрприз ему оставил, кайенской смеси насыпал, теперь точно не сунется.

На тот берег, по общему решению, переправляться не стали. Ручей шел параллельно старому маршруту. Сделав последний на сегодня переход, решили разбить лагерь засветло, недалеко от ручья. Развели костер подсушить вещи, поужинали разогретым сухим пайком.

Сомов с Ильей постоянно о чем-то разговаривали, потом обошли вокруг лагеря, расставляя сигнальные мины на растяжках. По привычке разбили ночь пополам, Алена не протестовала, у Ильи настроение испортилось, пришлось объяснять, что без серьезного оружия в карауле делать нечего, вроде понял. Илья не отходил от Сомова ни на шаг, чему тот был только рад, постоянно что – то объясняя и показывая. Незаметно опустилась ночь. Вопреки ожиданиям, ночь прошла спокойно. Посреди ночи, как раз когда менялись с Сомовым, слышен был волчий вой, на пределе слышимости, поэтому придавать значения ему не стали.

Наутро на Алену было больно смотреть, сильно покусали комары, ультразвуковой отпугиватель, по ее словам проверенный не раз, в эту ночь почему-то не сработал. Не выспавшаяся, покусанная, с опухшим лицом она направилась к ручью умываться. Вернулась, пряча лицо в воротник, и скрылась в палатке. Вышла только когда мы начали сворачивать лагерь.

За предыдущий день мы прошли треть маршрута, но все же сильно отклонились от него, сегодня предстояло наверстывать. Ручей преодолели почти без проблем, по камням, рискуя оступиться и подвернуть ноги. Обошлось. Темп задавал Сомов, остальные пытались не отставать. Периодически останавливались на привалы. На одном из таких привалов, уже ближе к вечеру, Илья на время пропал из поля зрения, никто из нас на это не обратил внимания. Спихнулись, когда на отдалении прозвучал негромкий выстрел, как гром среди ясного неба. Скинув рюкзаки на траву, не сговариваясь, разошлись широким полукругом и бросились в лес в направлении выстрела, на ходу заряжая оружие. На встречу, из зарослей появился Илья с зайцем в руке и довольно улыбался, пока не увидел наши лица. Сначала получил нагоняй от всех по очереди, потом благодарность от меня за заботу о группе, в ответ на обещание больше не отходить без разрешения и тем более не открывать стрельбу. На назначенную точку, недалеко от одного из рукавов реки, вышли поздно вечером. После дневного перехода ноги гудели немилосердно. Лагерь на ночевку разбивали уже в сумерках. Из зайца, стараниями Алены и Ильи получилась великолепная похлебка, которая, не успев остыть, была с аппетитом съедена. Рано утром, когда была моя очередь охранять лагерь, появился из палатки Илья, отпросился на рыбалку, благо до речки было рукой подать. Получив разрешение, ушел и уже через полчаса вернулся со связкой разнорыбицы, насаженной на ветку. Когда проснулись остальные, уха была уже готова. Настроение моментально улучшилось, особенно у Сомова, который уверял, что никогда в жизни не ел более вкусной ухи. Мы с Аленой выразили Илье свою благодарность, от чего парень совсем застеснялся и не знал куда деваться.

Последние два десятка километров до полигона по непроходимому лесу дались тяжело. Карта не отображала таких подробностей, как буреломы или густо разросшийся подлесок. Этот участок леса находился в секторе стрельбы с полигона, потому был не знаком Илье. Для себя отметил, что группа двигается почти бесшумно, включая и нас с Аленой. Урок не прошел даром, навыки возвращались. Алена больше не пыталась копировать поступь Игоря или Сомова, у нее появлялся свой стиль, хищной кошки настороженно и плавно преодолевающей преграды. Этот лес был мертв. Ни зверей, ни птиц, ни малейших следов пребывания. И чем ближе к стрельбищу, тем отчетливее это было видно. Стали попадаться деревья, обезображенные осколками и крупнокалиберными пулями. На протяжении многих лет этот лес принимал на себя всю мощь оружия людей, призванных защищать и оберегать. Чувство опасности не оставляло, группа уже ушла далеко вперед. Остановить? Обойти этот мертвый лес? Нет, ерунда, явной опасности нет. Да и группу возвращать, только хуже сделаешь, да и время поджимает. Радовало только одно, конечная точка уже рядом.

На выходе из леса осмотрелись, вдалеке на исходном рубеже четко просматривался силуэт БТРа, этого в планах не было. Почуввав неладное, дал команду ускориться и уже не скрываясь, преодолели последние три километра по разбитой дороге, той самой, знакомой с первого дня. Возле БТРа стоял Борисович. По мере приближения придирчиво всех осмотрел, отыски-

вая взглядом внука, обнаружив, что все с ним в порядке, не стал задерживать на нем взгляд, а шагнул мне на встречу. Начал без предисловий:

– Семенович на базе, с утра приехал, меня отправил Вас встретить.

– Случилось что? – приезд полковника без предупреждения сам по себе уже настораживал.

– Да вроде ничего, ждали Вас ближе к вечеру, вроде особой спешки нет, но меня отправил, вот, тряхнул стариной, – махнул в сторону БТРа.

– Ну, если спешки нет, тогда час-полтора надо подождать, отстреляемся и поедем.

Не люблю незавершенных дел. Тем более четких указаний, доставить немедленно не было, чего икру метать раньше времени.

– Как скажешь, я не тороплю. Как Илья то мой? Вижу, не заплутали, – уже с явным интересом спросил о том, что беспокоило больше всего, так чтобы другим слышно не было.

– Молодец наш Илья, отработал на все сто, так что не переживай, – обрадовал я деда. – Потом расскажу, а то и сам расскажет.

– От него дождешься, слова не вытянешь, – посетовал дед.

Стрельба заняла не много времени, слышно было только выстрелы из мелкашки Ильи, которого тоже привлекли, да глухие звуки и лязг затворов нашего оружия. Поймав завистливый взгляд Ильи, дал ему пострелять из «Винтореза», дед был не против. Пострелять из винтовки Алены даже я не мечтал, а отдача у «Выхлопа» была не по возрасту Илье, но и этого хватило с избытком. По его лицу сразу понял, что этого момента он ждал все эти дни, а может и дольше. Оценив результаты, дед с гордостью хмыкнул.

– Моя школа.

Всегда приятно, когда твои потомки вырастают и становятся достойными людьми, а если при этом еще идут по твоим стопам, тогда вдвойне.

Полковник стоял на крыльце, наблюдал, как мы высаживаемся из бронетранспортера, выгружаем вещи. Вид у него был такой же, как у Борисовича пару часов назад, когда тот встречал Илью, он так же высматривал Алену, теперь я обратил на это внимание. Алена украдкой пыталась подать непонятные знаки рукой и делала грозное лицо. Я делал вид, что ничего не замечаю, а вот полковнику, судя по всему, надоела эта пантомима или тайные жесты действовали, он развернулся и зашел в помещение базы. Нашел я его в кабинете. Вид у меня был слегка потрепанный, не сказать больше. Трехдневная небритость, на голове косынка банданой, наколенники и налокотники в пятнах непонятого происхождения, но все остальное при мне, кроме оружия, передал Сомову, чтобы залил оружейной смазкой, потом легче чистить будет. В общем, видок еще тот. Впрочем, полковник к моему виду отнесся снисходительно, я бы даже сказал одобрительно, потому что сразу засыпал меня вопросами:

– Смотрю, подготовка прошла результативно? Группа готова? Все живы здоровы? Предложения по замене или доподготовке есть?

– Группа готова, доподготовки не требуется, замен тоже, состав оптимальный...

Далее я принялся докладывать о ходе самой подготовки, не углубляясь в детали. Это освоили..., то подтянули..., этого добились..., того не потребовалось... В целом командор был доволен результатами, кроме одного

– Барс, первый раз он назвал меня по позывному, ты какого черта повел группу через лес за стрельбищем? У тебя ничего там не колыхнулось? Тебе не пришло в голову, что в нем могут оставаться неразорвавшиеся боеприпасы? Это же бывшее армейское стрельбище, они там чего только не применяли и не испытывали. Ты все свои выходы собираешься превращать в прогулки по минному полю? Полковник в выражениях не стеснялся.

Запоздалый страх противно лип к телу, так всегда бывает, когда прошел по минному полю, не зная того. А ведь колыхнулось, и лес не зря мертвый и мысль обойти была. Вот так

и бывает, что после трудного пути губят последние метры. Торопились вернуться, а нет бы остановиться, подумать. Считай, в рубашке родились.

– По кратчайшему маршруту пошли, командор, моя вина, – оправдывался я.

– Знаешь, куда кратчайший путь ведет? Вот, не мне тебе объяснять. Если бы кто-то пострадал, спросил бы по полной, потому как ты командир.

– Командор, если считаешь, что не справляюсь, назначь другого, только в проекте я хотел бы остаться. Наверняка есть люди опытнее моего.

– Ты мне это тут брось, хотел бы заменить, давно бы уже заменил. Теперь вижу, что готов и выводы правильные делаешь. Таких людей, как у тебя, больше нигде нет, береги их.

Теперь я видел, что полковник испугался не за Алену или Илью и ни за кого в отдельности, а за всех вместе, не делая различий, не разбирая на своих и чужих, менее или более ценных.

– Я понял.

– Вот и хорошо, что понял. Это еще не все. Сегодня ночью захват объекта, на подготовку... – он посмотрел на часы – десять часов, поэтому через два часа всех жду у себя.

Вот и ожидаемый сюрприз. Мечты о бане и отдыхе разбивались на мелкие кусочки. Так всегда, когда считаешь что нелегкая задача выполнена, появляется другая, более тяжелая, которая обесценивает предыдущую. А какие, собственно говоря, проблемы? Да устали, да мечтали отдохнуть, слегка потрепаны, так время будет привести себя в порядок. Полковник точно знает, что делает. Группа готова на все сто, а до предела возможностей, как до горизонта. Справимся.

Два часа на все про все хватило с избытком. В назначенное время собрались в кабинете. Расстелив карту на столе, полковник заговорил.

– Задача учебно-боевая. Цель – проникновение на стратегический объект и условное минирование. Время выполнения – до 8.00 завтрашнего дня. Порядок выполнения, состав вооружения и экипировки определяет старший группы. Состав группы – прежний. Доставка в начальную точку наземным автотранспортом. Все необходимые справочные материалы на столе перед вами. Теперь главное – действовать нужно без применения боевого оружия и значимого ущерба, как для самого объекта, так и подразделения охраны. Объект хоть и не наш, но не вражеский. Это понятно?

– Понятно, – невесело проговорил Сомов. У охраны патроны тоже холостые? – спросил или пошутил он.

– Нет, не холостые, об операции знают единицы в Москве, на месте даже не подозревают. Продолжим. В случае раскрытия операции до момента обнаружения факта условного минирования, задача считается проваленной. В случае провала действуете по легенде другого спецподразделения, есть в материалах на столе. При попытке задержания сопротивления не оказывать, продержаться максимум тридцать минут, после чего вас вытащим. Если удастся скрытно проникнуть, заминировать и также скрытно уйти, задача будет считаться полностью выполненной. И, уже глядя только на Сомова, добавил, – Языка брать не надо, и ломать кому-нибудь и что-нибудь на всякий случай, тоже. Вопросы есть?

– Пока нет, в процессе подготовки, возможно, появятся, – ответил уже я за всех.

– Тогда приступайте, не буду мешать, два часа на разработку плана, – полковник вышел.

Едва только начал изучать справочные материалы, посетило дежа-вю. Точно, ошибки быть не могло, одна и сменных точек РВСН, на такой же когда то проходил срочную. Система охраны с того времени почти не изменилась. Уже легче. Форса со стороны полковника? Тут же вспомнил, подробности службы и настроение стало портиться. Задание точно будет не из легких, форса не поможет. На схеме с грифом «Совершенно секретно» помимо обозначенных рубежей технической охраны и замаскированных наблюдательных постов, отсутствовали хоть какие-нибудь данные о расположении секретов и огневых средств, которые необходимо доразведывать. Помимо того, насколько помню, существует практика свободного поиска одной или

несколько групп на прилегающей местности. Действуют они автономно, просчитать или разведать их маршрут за такое время нереально. Встреча с ними может оказаться последней. Спрашивать ночью, в лесу, свой ты или чужой, не будут. А если и спросят, ответа все равно нет, или есть? Со стороны точки высадки подходить нельзя, это угрожаемое направление, придется обходить, увеличивая шансы на столкновение, времени не хватит, значит надо менять либо точку высадки, либо точку эвакуации группы... Время операции, перед рассветом тоже будут ждать, охрана усиливается, без дураков. Значит середина, а лучше начало ночи, чем раньше, тем лучше, два, максимум три часа ночи, под пересмену, надо успевать. Вопросы копились, но варианты были. Все свои соображения и предварительный план изложил группе. Алена улыбалась, как будто я анекдоты рассказывал, раздражало. Зато Сомов слушал внимательно, добавить ему было нечего, вот много нового, судя по всему, узнал, и про меня в том числе. Потом молчали долго. И так и эдак крутили карты и схемы. Первым заговорил Сомов.

– Был как то опыт подобного захвата, тоже вроде как экзамен, но с этим не сравнить, командора надо звать. Без него все равно не решим, а время идет.

Алена ушла и вернулась уже в сопровождении отца.

– Какие вопросы? – поинтересовался тот, едва переступив порог.

Я коротко изложил план и возникшие вопросы, полковник задумался.

– Отвечу сначала на вопросы. Время начала операции сдвинем, насколько потребуется, так чтобы вы успевали, точку эвакуации сменим, как вы и предлагаете. На случай внезапной встречи с разведгруппами пароли-отзывы будут исключительно для вашей безопасности. Только вот условия остаются прежними, если обнаружат, задание провалено. Более того, если бы не последовало вопросов по опознаванию, операцию пришлось бы отменить, прецеденты уже были. В целом план одобряю. Еще вопросы?

– Если задание провалим, что дальше? – Сомов явно сомневался в успехе.

– Ничего страшного, продлите подготовку еще на месяц, только уже под чутким руководством, потом по новой. Разрыв между вахтами до трех месяцев допускается, время есть. Если это все, три часа на сборы.

Уже в коридоре я придержал Сомова.

– Пегас, не нравится мне твое настроение, сомневаешься?

– Барс, сам пойми, стрелять не смей, пальцем никого не тронь, сам скажи, я на ниндзя похож?

– Ага, мне бы шашку да коня, да на линию огня... – пошутила Алена, следуя за нами.

– Это точно, – оценил шутку Сомов и повеселел. – Да справимся, командир, не переживай, в первый раз что ли.

Пожалуй, что в первый, подумал про себя. Через три часа уже сидели в БТР, полковник сам решил нас доставить на место. Оружие тоже решили брать с собой по минимуму, ночной лес не самое спокойное место. Для подхода выбрали самое труднодоступное направление, благо, что еще не до конца стемнело. За пару километров до объекта выбрали позиции, наблюдали, дождались темноты. Уже собирались подойти ближе, когда Сомов обнаружил движение. Группа из пяти человек шла прямо на нас. Затаились. Обнаружился и секрет, прямо по курсу. Поисковая группа дошла до него, после чего круто изменила направление и стала удаляться. Ситуация осложнилась, обходить в темноте по бурелому – не вариант. Оставалось ждать. Неизвестно сколько там человек, двое или трое, вряд ли больше. Прошло два часа, комары съедают заживо, вымещая на нас злобу за свою короткую жизнь, мысленно посочувствовал Алене, а дело уже к полуночи.

– Командир, – прошептал Сомов на пределе слышимости. Давай сниму по – тихому?

– В смысле снимешь? Сказали же...

– Я аккуратно, не пикнут.

– А выживут? После твоего аккуратно.

Сомов задумался.

– Должны.

– Не вариант, ждем пока, потом если что, вместе попробуем.

Ждать пришлось еще около часа, потом послышалась возня и мы увидели три удаляющиеся фигуры, секрет снялся с места. Или позицию меняют, или время закончилось, возвращаются. Дождались, когда бойцы отойдут подальше, заняли освободившуюся позицию. Уютненько. Даже кабель связи проброшен. С секторами обзора намного хуже, понятно, почему нас не заметили. Сомов прижал растопыренные пальцы к уху, прошептал:

– Звонок другу?

Кивнул, давая понять, что сам вижу и показал ему кулак, он успокоился.

От позиции секрета вели две тропы, одна в сторону объекта, другая вдоль периметра, видимо на другую позицию. Судя по всему, бойцы ушли на объект. Оставаться здесь долго нельзя, время идет. Двинулись по тропе, Сомов впереди, я замыкающий. Объект был уже рядом, когда я скорее почувствовал, чем услышал или увидел движение позади. Присели на месте, прижимаясь к зарослям по сторонам тропы. Метрах в двадцати от нас тропу пересекла поисковая группа. Не глядя по сторонам, почти не маскируясь, они скорым шагом двигались вдоль периметра и вскоре скрылись, слышны были неразборчивые переговоры шепотом по рации. Не иначе что-то случилось. Сошли с тропы, огляделись, выждали. Вроде все тихо. Вышли на опушку леса, до периметра рукой подать. Ни единого пятнышка света, светомаскировка. На вышках расположены приборы ночного видения и прожекторы на случай тревоги. В стороне от калитки два датчика, недалеко друг от друга и две линии забора ограждения из колючей проволоки. Дальше действовали, как договорились. Алена принялась за дело, развернула приборы, долго настраивала, осмотрела забор ограждения, подала сигнал. Сомов поочередно подготовил пролазы. Пока все спокойно, сигнала тревоги не последовало. Медленно, не торопясь, даже перестав на время дышать, преодолел ограждение по-пластунски, как учили. Я был внутри периметра. Радовало отсутствие собак, слишком уж доверились технике. До точек условного минирования едва ли сто метров и мертвые зоны у построек. Когда первая табличка была успешно размещена на воротах, раздался сигнал тревоги. Первым желанием было со всех ног нестись обратно, к пролазу. Выходить и сдаваться, не в моих принципах. Ладно. Пусть поищут. Загорелись прожекторы, освещая периметр, послышался топот ног, завелась и выехала за периметр машина. Прожекторы потухли так же внезапно, как и загорелись. Не похоже, что ищут внутри, уже легче, но расслабляться не стоит. Разместил вторую табличку и двинулся проверенным путем к пролазу. Не знаю, ждет меня там группа или нет. На случай тревоги, Сомов с Аленой должны были уходить на резервную точку, в силу вступал план «Б». А они ждали. Не знаю отчитывать их за это или благодарить, в любом случае не время. Уходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.